

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Любовница
снежного лорда

Annotation

Что делать, если страшный снежный лорд объявил тебя своей любовницей? Идеальный вариант — в ответ объявить себя его личным секретарем, поставив перед фактом, что порядочные девушки с начальством не спят, и старательно начать приводить в порядок его жизнь! А как иначе, если, вступив в должность, обнаруживаешь, что в жизни шефа бардак, бывшая возлюбленная с супругом нагло пользуются его благородством, невеста — вообще истеричка и слуги невоспитанные? В общем, работы у Виэль Мастерс непочатый край — воспитать слуг, шефу мозги вправить, создать оппозицию, заговор против узурпатора устроить...

А снежному лорду в этой ситуации лучше помалкивать — сам виноват, в любовницы к нему никто не набивался!

Елена Звездная

Любовница снежного лорда

— Вы станете моей любовницей.

Прозвучало буднично, обыденно как-то и скучно. Это не было предложением, вопросом или даже приказом, нет, меня просто поставили в известность. Причем безразличным тоном, так, словно ничуть и никоим образом не ломают мне жизнь. И смотрел лорд Эйн точно так же — с безразличием. А еще с присущей истинным аристократам ленцой во взгляде холодных светлых глаз. Причем смотрел он исключительно на меня, совершенно игнорируя моих начальника и жениха, пришедших со мной в качестве поддержки, потому как... мы догадывались, что я услышу нечто подобное. Догадывались и искренне надеялись, что в присутствии сына мэра и собственно самого градоправителя Лерга лорд не посмеет...

Надеялись, как выяснилось, зря.

— Это шутка? — сжав в кулаки задрожавшие руки, осведомилась я.

И увидела то, что доводилось видеть не каждому, — хищную издевательски-провокационную улыбку ледяного выроodka... Мм-м, в смысле бесконечно уважаемого снежного лорда. Значит, не шутка.

— Мне очень жаль, — голос дрогнул, — но это совершенно невозможно, так как я уже помолвлена.

В глазах цвета едва выпавшего голубоватого снега вновь промелькнула откровенная скука, но лорд все же соизволил ответить:

— Мне совершенно плевать на вашу личную жизнь.

То есть я напрасно согласилась выйти замуж за маменького сыночка... в смысле, отпрыска нашего градоправителя, напрасно затеяла авантюру с помолвкой и вытерпела прилюдный слюнявый поцелуй на глазах в том числе и у моего настоящего жениха, и вообще все это было зря?!

— Вас, — отвернувшись и глядя в окно начал лорд Эйн, — сейчас выведет моя охрана, после чего вы будете препровождены в мой замок. Можете попрощаться с женихом.

Прощаться?!

— Но позвольте! — взвизгнул Людвиг.

Нет, он неплохой паренек, просто ленивый, прожигатель жизни и бабник, который три года совершенно безуспешно пытался привлечь мое внимание, а теперь, когда я согласилась, дабы избежать вот конкретно подобной ситуации, столкнулся с перспективой потерять то, чего столь долго добивался.

Даже не взглянув на него, снежный лорд произнес:

— Вон.

Людвига сдуло.

Моментом.

Это было примерно как если из воздушного шарика выпустить воздух. Следом, ни слова не говоря, поспешил выйти и сам градоправитель, осознавший, что исполнительного и ответственного секретаря ему придется искать, потому что верная и находчивая секретарша, в смысле я, уже в прошлом. То есть теперь просители будут прорываться к нему абсолютно беспрепятственно, а значит, закончилась безмятежная градоправительная жизнь.

А ведь меня предупреждали — снежным лордам не отказывают...

Оно мне надо было этому конкретному снежному заявлять: «Градоправитель занят, к нему нельзя!»? Если бы я только знала, чем дело кончится, да я бы этому сама с поклоном двери открыла и без спросу пропустила бы! Да я бы... Да я...

Дверь, кстати, открылась. Вошли двое снежных в сверкающих серых костюмах. У них так иерархия демонстрируется — чем серее костюм, тем ниже по положению снежный. У лорда Эйна костюм алебастровый, то есть он явно один из высших чинов в горах. Мразь! Причем высокопоставленная мразь!

Ледяные глаза вновь удостоили меня своим вниманием, и лорд произнес:

— Ступайте, Виэль.

«Ступайте» — это потому, что нам великую весть сообщили, не предложив сесть, так что свой приговор я выслушала стоя... И эти двое в сером встали по бокам, видимо, чтобы кое-кто даже не подумал сбежать. Но, кстати, идея чудесная...

— Мне нужно собрать вещи, — попыталась возразить, дрожа всем телом.

— Ступайте с охраной. Вам более нечего делать или же собирать в этом городе.

— Мне нужно взять с собой как минимум одежду, — начинаю злиться.

— Виэль, — в бледной улыбке вновь промелькнуло что-то хищное, — поверьте, одежда — это последнее, что вам теперь потребуется.

Оба выродка, что стояли, конвоируя меня, мерзко и криво ухмыльнулись.

Достали!

— Вы пожалеете! — мрачно пообещала я.

Высокомерная усмешка в ответ.

— Небом клянусь, пожалеете!

Снежный справа крепко ухватил под локоток, снежный слева указал на дверь. Еще бы и в спину подтолкнули, уроды. И пальцы у них холодные, вся рука вмиг мурашками покрылась.

— Не трогайте, — я дернулась, вырываясь из захвата, — сама дойду.

Мужик справа отпустил, левый дошел до двери, издевательски-радушно распахнул ее, пропуская меня вперед. Очаровательно улыбнувшись ему, гордо шагнула в дверной проем и...

И, подхватив юбки, бросилась прочь!

На что я в тот момент надеялась? Ну как минимум на то, что здание мэрии сейчас снежные переделывали под себя, соответственно, тут имелись горы строительного мусора, груды кирпичей из белого известняка, разбросанные белоснежные доски. И как максимум рассчитывала на себя — детство в сиротском приюте учит многому. И потому за минуту я промчалась по коридору, опрокидывая доски, мешки, мусор, заготовки для балюстрад, бочку с чем-то жидким и тоже белым. У меня по идее были очень хорошие шансы на побег, по идее... И снежные даже отстали! Но стоило выскочить на лестницу, как догонявший снежный взвился в воздух, а приземлился уже внизу, преграждая мне путь.

Замерла, тяжело дыша, потирая саднившую руку, которой досталось при опрокидывании досок под ноги преследующим, оглянулась — второй стоял наверху, насмешливо глядя на беглянку, у которой теперь не было и шанса. Ну, по их мнению. Я же, тряхнув волосами, обычно темными, но сейчас почти белыми из-за пыли, которая взметнулась после опрокидывания мной мешков со строительной смесью, бросила взгляд на окно, до которого мне был всего шаг, на раму, которую явно придется выбивать своим телом, и попыталась вспомнить, а чего там под окном есть?

Черт, покалечусь же...

— Стоять, дура! — разгадав мой замысел, заорал снежный сверху.

Нашел дуру. Я прикрыла лицо рукавом, собираясь прыгать.

Снежный снизу рванул ко мне, надеясь остановить.

Но успеть ему не грозило.

Рывок! Боль от удара! Оглушающий звон стекла, свободное падение и...

Сугроб!

Мерзкий, снежный, живой сугроб из тех, что не тают даже летом! Огромные мягкие лапы подхватили, снимая с макушки сугроба, затем посиневшую от холода меня осторожно положили на землю. Земля была теплой...

— Оригинально, — раздалось надо мной.

Нехотя приоткрыла глаза — напротив имелись белоснежные, великолепно отутюженные брюки. Лорд Эйн. Затем идеальные брюки пошли складками, в смысле кое-кто присел на корточки. Холодные пальцы — даже через белоснежную перчатку ощущалось, что они ледяные, — отвели прядь растрепавшихся волос с моего лица, после чего снежный с недовольством констатировал:

— Губа разбита, на скуле ссадина, рука расцарапана.

— Сердце кровью обливается, — мрачно добавила я.

— От осознания своей глупости? — издевается.

— От перспективы спать со снеговиком. — Я села, с грустью посмотрела на разорванный подол платья. Моего любимого, к слову.

Затем огляделась, избегая встречаться взглядом со все так же находящимся рядом снежным. На площади, ранее многолюдной и шумной, ныне практически никого не было. Четыре живых сугроба, несколько снежных в сером, парочка втянувших голову в плечи чиновников, торопливо пересекших открытое пространство, чтобы шмыгнуть в щель между домами и скрыться. А ведь когда-то в свободном городе никого не боялись.

— Помочь подняться? — холодно поинтересовался лорд Эйн.

Кивнула, раздумывая о своем.

— Вейга, — позвал снежный, вставая.

Снежный в сером подошел, нагнулся, схватил меня за запястье, рывком поднял.

То есть сам будущий любовничек даже прикоснуться ко мне не желал! Боимся кровью испачкаться?!

— Чистоплюй, — отряхивая испачканную юбку, зло сообщила снежному.

Мрачный взгляд ледяных глаз, белых с легким голубым оттенком и красным, как запекшаяся кровь, зрачком. Брр! Снежные вообще далеко не красавцы. Высокие, худощавые, с белыми волосами различных оттенков, с белой холодной кожей, они вызывали оторопь, удивление, неприязнь... до войны. А после — только страх. Жуткий, безотчетный страх и ужас у тех, кому сильно не повезло встретиться с ними в бою. С той войны наши мужчины возвращались седыми. Стоит ли удивляться, что победа в развязанной нашим правительством войне досталась снежным?! Никто и не удивлялся, никто даже не роптал, на момент полной капитуляции нам хотелось, чтобы все просто закончилось.

Кто же знал, что кошмар только начинается?

Во-первых, снежные не удовлетворились выплатой контрибуции, более того, сам мирный договор их также не устроил, и победители захватили власть. Королевская династия была лишена регалий и привилегий, аристократия также. Власть на местах соответственно тоже получили снежные. Экспансия стала полномасштабной, и завоеватели, как лавина,

подмяли под себя все. Недовольные не выживали, противники — не выживали, враги... врагов перебили еще во время войны. А затем выяснился прелюбопытный факт — это снежные для нас страшны как смертный грех, а вот наши женщины в их холодных глазах весьма и весьма привлекательны. Нет, волны насилий не случилось, подобное осталось в жутких временах прошедшей войны, но снежным... не отказывали. Не смели. И если взгляд холодных глаз с красными зрачками останавливался на девушке или женщине, это было однозначным приговором. Снежных боялись, от них скрывались, женщины более не показывались на улице с непокрытой головой, но если уж взгляд завоевателя тебя настиг... Радовало до сего печального дня только одно — снежные не трогали замужних. Когда до народа это дошло, в церквях стало не протолкнуться от желающих связать себя узами брака. В нашей маленькой церкви одновременно брачевали по сто пятьдесят пар, едва стало известно, что и до нас эта напасть дошла. Но городу повезло — явившийся лорд Эйн со столь явным презрением относился к местному населению, что это передалось и его подчиненным. В итоге за полтора месяца их пребывания в Лерге никто вообще снежным не приглянулся. Это обнадежило всех, включая меня. И потому вместо того, чтобы заключить брак с уже имеющейся жертвой матримониальных планов, я преспокойно ждала, когда придет его бабушка, чтобы сыграть свадьбу в соответствии с традициями его семьи. Дождалась...

— Идемте. — Снежный в сером снова ухватил за локоть, только теперь не в пример крепче, и потянул к уже ожидающему экипажу.

Белому, да. У них все белое. И ненормальное — у этого экипажа лошадей не было, ехал почти беззвучно, только поскрипывал, как по... да как по снегу! «Сани мертвецов» — прозвали такой в народе, и сейчас увидев подобный экипаж и осознав, что именно к нему меня и волокут, я уперлась ногами в брусчатку и взвыла:

— Да вы рехнулись! Я туда не сяду!

Внезапно снежный в сером отпустил мой локоть. Но не успела даже обернуться, чтобы понять в чем дело, как запястье сковали ледяные пальцы, и лорд Эйн молча потащил меня к экипажу. Сначала волоком, после подняв и практически на весу. Он подошел к карете за несколько секунд, двери открылись сами, и меня, совершенно не заботясь о сохранности предполагаемой постельной игрушки, зашвырнули в теплое светлое нутро «саней». Дверь закрылась, отрезая от звуков, света, людей, города... от всего!

Тихий скрип... Карета тронулась.

Я вскочила, не удержалась, упала на колени, что было совершенно безболезненно, — теплый пушистый ковер устилал пол, — проползла к двери, попыталась открыть, но ручки тут не было, толкнула — тоже бесполезно. Устало села на пол, опершись спиной о проклятую дверь, тихо застонала. Нет, ну это надо же было так попасть!

А бабка Закари вчера приехала, вечером. В день моей помолвки с Людвигом! Потрясающе, просто потрясающе! Я посмотрела на свои ободранные ладони, мстительно испачкала карету кровью. Красное на белом смотрелось знаменательно. Он еще пожалеет, жизнью клянусь, пожалеет! Любовница, значит?! Да ты, оглобля снежная, до лицемерия стратегических любовных мест даже близко не доберешься!

Злилась я жутко. Может быть, в моем положении и полагалось стенать, заламывая белые руки, или же дрожать от страха — снежные своим пассиям стирали память после собственно процесса, так что я понятия не имела, что ждет меня с этим. Но вместо страха или опасений я испытывала только злость! И ярость. И бешенство такое охватывало, стоило лишь

вспомнить его холодно-безразличное «Вы станете моей любовницей». Да он хоть представляет, чего стоило безродной сиротке вырваться из нужды и добиться должности секретаря у градоправителя, причем добиться своим трудом и мозгами?! Я ночами не досыпала, я работала сутками, чтобы из клерка в захудалом монастырском архиве выбиться в служащие городской администрации! Впрочем, лгу, одной работоспособности было мало, я пошла на откровенный подлог, подделав документы, и из безродной сироты стала племянницей престарелого господина Мастера, который опровергнуть родство не мог по причине совершенного расстройства памяти. И потому, когда к нему заявила пятнадцатилетняя племянница, принял, как и полагалось принимать бедных родственников. И пусть я несколько лет прожила на чердаке под крышей, меня откровенно презирала вся прислуга и, естественно, никто не стал включать мою персону в завещание, зато в городе я пользовалась заслуженным уважением, сослуживцы не смели приставать к племяннице господина Мастера, а сын купца Закари Тейс, который безмерно мне нравился, счел честью сделать предложение родственнице именитого горожанина. И все было чудесно! Все было замечательно и шло по плану, пока его снежность лорд Эйн не соизволил заявиться в наш город!

За что?! Небеса, вот скажите мне, за что?!

Экипаж, мерно поскрипывая, продолжал увозить меня в непонятное ледяное будущее... будущее презираемой всеми любовницы! Мразь! Я ведь теперь даже вернуться не смогу, после подобного позора. Точнее нет, я вернусь, но даже представить сложно, чего мне будет стоить найти себе новое имя, новую биографию и вообще вновь добиться уважения... И в этот город возвращаться мне уже нет смысла — ни один из достойных мужчин не возьмет в жены женщину, побывавшую чьей-то любовницей...

Злые слезы невольно покатались по щекам. Злые, обиженные слезы! Вот за что мне это? И почему вообще я?! Один раз, всего один раз сказала: «Господин Найнван занят. Чай, кофе, горячительные напитки?» И все! На этом было все. Но снежный ублюдок медленно повернул голову, смерил меня взглядом с ног до головы, усмехнулся и выдал: «В мою карету». При этих его словах второй секретарь, пожилая госпожа Тенс, выронила поднос с чаем, уже заготовленным для гостей, чем обратила внимание снежного на себя, и именно ей лорд Эйн приказал: «Доложите обо мне. Немедленно».

Естественно, о приходе лорда доложено было мгновенно, причем мной — я метнулась к градоправителю, четко представила посетителя и понадеялась было, что сказанное в приемной — просто шутка. Но стоило вернуться к своему столу, как сопровождающий лорда Эйна сухо произнес: «Вам был отдан другой приказ. Исполняйте». На это я мгновенно ответила: «Конечно-конечно, как скажете». Под испуганным взглядом госпожи Тенс накинула шаль на плечи и поспешила... к служебному выходу, оттуда через два магазина на соседнюю улицу, а там и в дом градоправителя, с порога сообщив открывшему дверь Людвигу: «Дорогой, я согласна!» Этот увалень так обрадовался, что сжал в медвежьих объятиях, едва не убив, следом передал меня своей гневно на произошедшее взиравшей матушке. Просто госпожа Найнван меня откровенно недолюбливала, ибо четко знала — те жуткие платки, что господин Найнван дарит ей на каждый новый год, покупаю именно я, — за что мстила, и мстила жестоко, потому что я точно знала, что ту мерзкую туалетную воду, которую господин Найнван дарил мне на каждый праздник, покупала госпожа Найнван... Просто застигла ее, с самым коварным выражением лица покидающую парфюмерную лавку, а на утро моя вонючая коллекция пополнилась еще одним флаконом. Да, я госпожу Найнван

тоже недолюбливала.

— Виэль Мастерс, — прошипела мадам, едва нас оставили наедине.

«Я женюсь на Виэль!!!» — слышался на улице бас ее сыночка.

— Через мой труп, — прошипела будущая свекровь.

— Несите нож, оформим, — с энтузиазмом поддержала я.

Госпожа Найнван посерела и передумала вмешиваться. Это я так в тот момент подумала, жаль ошиблась. Потому как стараниями Людвиг, мечтавшего о первой брачной ночи, свадьбу решили устроить в тот же вечер. Но энтузиазм парню достался явно от мамы, потому как та организацией бракосочетания и занималась, и священника умудрилась спонтировать и запрятать, зараза! В результате вместо свадьбы у нас была помолвка, и всю последующую ночь я объясняла Людвигу, что самое интересное происходит только после свадьбы, соответственно я сейчас ничего ему не должна, особенно что касается супружеского долга. Утром, измученная поисками святого отца и желающая госпоже Найнван всего плохого уже вслух, а не про себя, я открыла дверь и...

— Вы нарушили приказ, — совершенно без эмоций произнес стоящий на пороге снежный в сером.

А как они меня вообще в доме мэра нашли?! Моя собственная квартира на другом конце города находится!

— Да-да, — нервно заулыбалась. — Следовать в карету?

Снежный медленно и напряженно кивнул. Напрягался не зря, шаг назад — и я захлопнула дверь перед его носом. Поворот, и, узрев спустившегося со второго этажа будущего свекра, мило улыбаясь, поинтересовалась:

— Вы же не отдадите невестку, папенька?

«Маменька», высунувшись из-под лестницы, елевым голосом напомнила:

— Еще не папенька.

Стерва. Как есть стерва.

— Людвиг, любимый, иди ко мне! — сладко и эротично заорала я.

Когда жить захочется, и не так заорешь.

Туша «нареченного», охваченная любовным пылом, мгновенно явилась, прогрохотав по ступеням и едва не снеся батюшку. Примчавшись, Людвиг подхватил меня на свои дрожащие ручки и возопил:

— Наконец-то!

— Да подожди же ты, дорогой. — Я не то чтобы кокетливо пальчиком прижала его губы, намекая на то, что не до поцелуев, нет, мне закрываться пришлось обеими руками и даже коленом от слишком пылкого жениха. — Д-д-дракона еще не победил, подвиг н-н-не... Людвиг, нет!

Последняя реплика прозвучала истерическим визгом.

И тут дверь распахнулась, являя взбешенного снежного с красиво расквашенным носом, и он, в смысле не нос, а снежный, прошипел:

— Ты...

Не Людвигу прошипел. Осознав, что за причинение вреда снежному меня и прибить могут, по закону именно такое полагалось покушителю на белокожих, мгновенно перестала отпихивать любвеобильного жениха, обвила его толстую шею руками и томно проворковала:

— Людвиг, а это — дракон.

— Где? — не понял снежный, доставая платок.

Серый, как и его одеяние.

Я ногой снова захлопнула дверь. И, кажется, снежному опять досталось по носу.

Людвиг ничего не понял, он тормознул еще на мысли о драконе и начал озираться. И только сообразительная госпожа Найнван взвизгнула истерично:

— Людвичек, она сражения с драконом не стоит, брось каку, сына!

Да не такие уж и плохие платки я ей выбирала, чтобы настолько меня ненавидеть! Ну кроме той парочки, на которых золотыми буквами на ее родном аске было выведено: «Покойся с миром». Но тут меня можно понять — это после того, как с ее легкой руки мне был вручен пузырек с самодельной туалетной водой, вонявшей тухлятиной! Но все же!

Впрочем, сказать что-либо не вышло — по двери вдарили так, что она с грохотом повалилась, и так как там стоял Людвиг со мной на руках, то двери сильно не повезло — раскололась об голову моего нареченного. А Людвигу ничего, даже не заметил, поморщился только от пыли и головой тряхнул, сбрасывая щепки. Серьезно — я его зауважала сразу. И не только я — оба снежных в сером тоже с уважением поглядели.

Уважения хватило секунд на тридцать, после чего снежные синхронно сообщили:

— К лорду Эйну. Сейчас.

Я вцепилась в жениха мертвой хваткой, Людвиг, осознав, что «драконов» двое, вцепился в папочку. Вот так втроем мы и были поставлены пред очи лорда Эйна. И вот итог — трясусь в карете, непонятно куда направляясь.

И понервничать бы сейчас, попереживать, обрыдаться в конце-концов, но злость такая душит — до бешенства. И решив, что на месть мне силы еще понадобятся, злющая, как виверна, я завалилась спать.

* * *

Транспорт перестал скрипеть часов через семь, когда мысли о естественных надобностях вытеснили даже желание убивать снежного гада долго и с удовольствием. То есть теперь план был таков — сбегать в комнату для девочек, поесть, убить Эйна. План мне нравился, очень. Особенно в момент, когда карета, в которой я находилась, заскользила явно по воде и до меня плеск донесся... Негуманно вообще так с будущими любовницами обращаться! Где мои драгоценности, слуги и долгий чувственный соблазн?! Или это у снежных такой способ укрощения строптивых? Действенно, должна признать, но и глупо — так до лужи довоспитываются, и будет у них запах в карете недвусмысленный. Ибо издевательства издевательствами, но меру знать нужно!

Меру они, как оказалось, знали, потому как экипаж остановился.

Остановился!

Затем дверь распахнулась и я услышала ледяное:

— Не рыдать. Не истерить. Ваша покорность и готовность услужить — лучшая тактика поведения в вашем положении. И я бы попросил выйти из кареты самостоятельно, не заставляйте вытаскивать вас насиль...

Договорить снежный не успел — я не вышла, я вылетела. Чуть не поскользнулась на ледяном полу, удержалась, только схватившись за рукав снежного в черном (с красными глазами эффект был убийственный, мне в некоторые места захотелось с утроенной силой), и взвыла:

— А покои мои где?!

Снежный, дворецкий он тут или кто, неясно, оторопев от моей прыти, нервно указал куда-то вверх.

— Благодарствую, — ответствовала я и умчалась вверх, мимоходом заметив, что находились мы в зале со множеством луж, на первый взгляд бездонных, и собственно мой транспорт стоял рядом с одной из луж и с него стекало... Стекало... Текло... Где мои покои?!

— Наверх, третий этаж, соро...

Не дослушала.

Подхватив грязные после убеганий от снежных прихвостней юбки, помчалась вверх по лестнице, отсчитывая пролеты — первый, второй, третий... На третьем выскочила в коридор. Отвратительно белый! С кремовым ковром на полу, ледяными скульптурами, снежными картинками — бр-р-р, одним словом. И публичный дом, если говорить двумя словами, ибо на дверях, тянувшихся по обеим стенам коридора, значилось: «Айзи, Ника, Эрма, Улинна, Габри, Виэль...». Виэль? О, это я, а значит для меня, то есть мое!

И я рванула к двери, дернула за ручку и... дверь не открылась. А у меня уже от естественных желаний в глазах мутнеет, и вообще это что такое?!

— Откройте! — заорала я. — Откройте немедленно, мне срочно надо... — подумала, что сказала, хихикнула и добавила шепотом: — В любовницы надо, срочно.

Оказалось, даже шепотом тут говорить не стоит — в ледяном замке с эхом имелись явные проблемы, поэтому моя последняя фраза разнеслась по всему коридору.

И тут что-то со звоном грохнулось и разбилось.

Поворачиваюсь на звук и вижу штук восемь женщин в серо-синей одежде с подносами, одеждой какой-то, бельем постельным. Ну и собственно содержимое подноса с едой, живописно украсившее кремовый ковер и сверкающий белоснежный пол. Надеюсь, это не моим обедом они тут интерьеры разукрашивают, искренне надеюсь, иначе они крупно влипли! Потому что я когда голодная, я зверею!

— Откройте! — ору повторно, отчаянно толкая эту проклятую дверь. — Мне в... в... — если скажу про туалет, могут и не пустить ведь, так что: — Мне срочно!

У этих в штатном одеянии еще что-то повываливалось. Потом какая-то робко так:

— Деточка, дверь на себя открывается.

Упс...

Чинно потянула дверь на себя, еще более чинно вошла и... и начала озираться. Местечко, куда я вломилась, имело, к моему величайшему сожалению, до черта дверей! Я вторглась в ближайшую — шкаф с подобием ночных рубашек, но с первого взгляда стало ясно, что в таком и перед подушкой с простынею будет стыдно. За второй дверью комнатка с круглой кроватью посередине и кругом зеркала, зеркала, зеркала — на стенах и на потолке. И это был не сортир, нет. Врываюсь в следующую белую дверь — спальня, но тоже странная, с ремешками какими-то, кнутами, по стене развешанными. Четвертая дверь — ванная, громадная, с бассейном посередине, но... но никаких, мать его, удобств!

— Да что это за хрень вообще! — сорвался кто-то на истерический вопль.

Я сорвалась, каюсь.

— Какой д-д-диби... — вспомнила, что снежные к оскорблениям равнодушны, могут еще и из любовниц исключить до обнаружения мной требуемых удобств и исправилась: — добрый человек вообще тут все проектировал?!

Ответа не последовало, хотя народу столпилось в помещении изрядно, я же, алчно озираясь, узрела еще одну дверь. Помчалась через все пространство, причем народ на пути расступался, и ворвалась — спальня! Чертова спальня, зато классическая и у нее тоже была дверь. Оно ли?! Понадеявшись на чудо, ворвалась в спальню, промчалась через нее, рванула вожделенную дверь и...

Свершилось!

Комнатка была маленькая, уютненькая, и да, тоже белая, зато в ней имелось все, что так требовалось.

Через несколько минут, совершенно спокойная и адекватная, я вернулась в то помещение, куда ввалилась, дверь на себя потянув, оглядела присутствующий народ (явно какие-то из болотных помесков, иначе откуда смуглая, почти зеленая кожа и жуткие, совершенно желтые глаза без зрачков, и грозно спросила:

— А кормить меня скоро будут?!

После моего вопроса одна бабулька повернулась к другой и шепотом спросила:

— Снежные новое государство захватили с населением неадекватным?

— Нет, вроде, — не слишком уверенно ответила ей вторая.

Все вновь уставились на меня.

— Эта не из тех ли племен будет, что по реке Версянке живут и по лету с ума сходят? — снова та самая неутомная бабуля.

Ответила ей я, и ответила решительно и грозно:

— Нет, бабушка, мы не из тех мест будем, мы гелленские.

— Правда? — искренне удивилась старушка. — А что, и до низинных мест дурман-трава дошла?

Она это серьезно сейчас спросила?! Дурман-трава вещь особая — живет себе круглый год и в ус не дует, в смысле не мешает никому, но вот в срединный летний месяц ка-а-ак зацветет, как начнет пыльцу разбрасывать, так народ вмиг дуреет и ходит сопливый, красноносый, красноглазый и... дурной, как есть дурной. Потому как именно в эту пору по дорогам грабители начинают путь верный сообщать, кому надо помогать телегу починить, или припасами делятся, или там с охотой помогают. Грабители-то в основном придорожные, им от дурман-травы более всего достается, вот и дуреют ровно на месяц. Ну а потом все как полагается: и грабят, и насильничают, и от стражи королевской бегают... Да уж, только вот теперь уже стражи королевской нет... как и королевства...

И я бы пригорюнилась, но если честно:

— Слушайте, знахарки-травницы, я со вчерашнего дня ни крошки не съела, покормите ради собственной безопасности!

Они впечатлились, и в течение пяти минут, в которые я обстановку разглядывала, мне принесли два подноса. Один большо-о-ой и вкуснопахнувший, который под моим голодным взором уволокли в ванную...

— Притирания для вашего тела, — сообщила одна из бабулек.

А второй ма-а-ахонький! Совсем махонький, с тарелку размером. И вот его поднесли к столику, за который голодная я уселась, и крышку с него сняли. А там — без слез не взглянешь! Один стакан воды с лимоном, одно порезанное яблоко, ложечка творожка и кусочек сыра полупрозрачный. Подняла двумя пальцами ломтик сыра, посмотрела — не полу, а прозрачный!

— Вы что, издеваетесь? — упавшим голосом спросила жертва чужих эротических

планов.

Они переглянулись, синхронно сделали шаг назад, и какая-то совсем древняя бабуля, которой видимо умирать было не страшно, дрожащим голоском поведала:

— Лорд Эйн стройненьких любит...

И вот тут до меня дошло!!! Я же к свадьбе худеть взялась! Просто зарплата у секретаря градоправителя не то чтобы высокая, совсем наоборот, а свадебное платье я полгода назад прикупила со скидкой — у мисс Глим свадебка расстроилась, так как дева жениха в постели с лучшей подружкой застучала и пришла к нам разрыв помолвки оформлять, так что платье мне досталось практически даром, и роскошное платье, должна признать. А то, что мисс Глим — тростиночка и платье по ней шилось, это мелочи, решено было его надеть, и я приступила к методичному похудению.

Похудела на свою голову.

И вот так мне от всего этого обидно стало, и за пирожки несъеденные, и за булочки, которые стороной обходила, и за пирожные, кои полгода ни-ни, отчего слезами давилась, и за... Да за все, короче!

— Так, — грозно рыча, поднялась со стула, — я хочу жрать!

— Так это, — старушка, которая, видимо, решила, что умирать ей все-таки рано, шустро в толпу перепуганной прислуги юркнула, — не велено вам много кушать нести, не...

— А кто тут сказал про кушать?! — Перед моим мысленным взором как раз проносилось все, в чем я себе полгода как дура отказывала, худея ради платья, которое уже не надену. — Про «кушать» речи не было! Я жрать хочу! И тут у вас, милейшие, есть выбор: или меня покормят, или я сама кого-нибудь съем сейчас! К слову, лорд Эйн уже вернулся?

Прислуга, дрожа от моего гнева, а в гневе я страшна, отрицательно помотала головами.

— Значит, придется выбрать кого-нибудь другого... — задумчиво оглядывая присутствующих, пробормотала я.

Через полсекунды в помещении никого не осталось, а топот и грохот понеслись прочь. И да, возглавляла убегающую толпу та самая древняя старушка. Вот что значит опыт, уважаю. Но если поначалу у меня мелькнула мысль, что это они за едой помчались, то через час пришлось увериться в печальном — просто смылись. А я осталась вся грязная после беготни по ремонтирующемуся помещению и падений, немытая и голодная!

Сходила в ванную, открыла поднос с притираниями, уронила челюсть — там и орехи тертые, и мед, и малина, и какой-то экстракт из чего-то цитрусового... И вот съела бы, но понятия не имею, какими руками все это готовилось, в смысле, вдруг они лапы свои не мыли... В общем и целом мне уже дико не нравилось быть любовницей снежного уroda... в смысле лорда. Нет, оно мне сразу не нравилось, но я рассчитывала на хоть что-то хорошее, а не измор меня голодом!

С горя пошла искупалась, напритиравшись ягодными муссами, шампунями, мылами, в завершение вылила в воду то цитрусовое непонятно что, полежала, расслабилась, пока живот бурчать от голода не начал. Поднявшись, посмотрела на свою грязную одежду и решила, что надевать ее не буду. Вспомнила об имеющемся гардеробе с вещами, вызывающими стыдливый румянец не то что у меня — у зеркала, надела банный халат, благо длинный, пушистый и теплый, и пошла искать нормальную одежду.

В гардеробной выбирать определенно оказалось нечего. Нет, бюстье и панталончики я себе нашла, все остальное оказалось чрезмерно непотребным, так что натянула обратно халат и потопала в чулках и отмытых моих же туфельках добывать себе одеяние.

Вышла в белоснежный, сверкающий словно инеем коридор. Тут было так чистенько...

Вернулась, пошла забрала из ванной малиновый, клубничный и крыжовниковый муссы, точнее то, что от них осталось. От фруктовых ароматов мой желудок взвыл особенно громко, но сначала удовлетворим тягу к прекрасному.

И я удовлетворила! Клубникой изобразила пятно на стене, теперь выглядело так, словно кого-то головой приложили раз двадцать, пока та не треснула. Крыжовником изобразила рвотные массы... по всем углам коридора. Малинку просто пошвыряла об стену, чтобы красные пятна пооставались. Живописненько так вышло, я бы даже назвала этот стиль «Зверское убийство в лаборатории». Короче, мы с чувством прекрасного были осчастливлены основательно.

И после содеянного я с самым довольным видом продолжила поиски одежды.

Открыла ближайшую дверь с надписью «Лаура», заглянула в помещение, обнаружила обронившую книгу сидящую у окна былинку в срамном наряде. Вынуждена была признать, что на такой тростиночке даже срамное одеяние смотрелось вполне прилично... В смысле, что может быть неприличного в костях, правда?! Кости они и есть кости, им можно даже без исподнего. Но в общем и целом стало ясно, что одежду я тут не найду.

— Извиняйте, — сказала тощей блондинке и дверь закрыла.

Постояла, подумала, решила, что в соседних комнатах я вряд ли увижу что-то новое, поэтому надо бы наведаться на другой этаж. Под веселое бурчание голодного желудка дошла до конца коридора, спустилась по лестнице со скользковатыми ступенями и увидела, что коридор тут достаточно короткий, и в конце его двери такие резные, основательные — ага, сразу ясно, чьи покои. А что ж я за любовница, если к любовничку на огонек не загляну?! Вот-вот, и я так же подумала, после чего смело отправилась к возлюбленному, чтоб его мурены загрызли.

У дверей лорда Эйна стражи не имелось... ну, сам виноват, чего уж тут. Решительно потянула на себя двери, не менее решительно вошла. И обалдела... У снежного покои оказались оформлены в черно-золотой гамме! Нет, ну кто бы мог подумать! Я полагала, белосеребристый у них в почете, а оказывается... Прошла по черному ковру, разглядывая стены в золотых обоях (гадость совершеннейшая, должна признать), и решила, что как новая женщина в доме просто обязана порадовать драгоценного привнесением собственного «я» в интерьер. А мое собственное «я» сейчас было голодное и злое... Злое и голодное... И злое! И между прочим, я его слуг сразу предупредила — накормите, а то хуже будет. А они не накормили, так что...

Для начала я нашла гардеробную лорда Эйна. Просто выпускать свое творческое начало будучи одетой в длиннющий и тяжелый банный халат — это как-то не эстетично, соответственно, решено было переодеться. У снежного в гардеробе не оказалось срамных вещей, но и женских платьев тоже не было. Ничего, мы люди не гордые — выбрала его белоснежную шелковую рубашку, примерила, — мне откровенно шло, но только когда я шла, а так висело мешком до колен. Зато когда я шла, там такая волна создавалась, по телу струилась, и, короче, мне явно шло. Так что рубашку я экспроприировала, заодно выбрала себе еще шпук пять на смену — голубенькую, серебристую, синенькую, черненькую и еще одну белую. Потом окинула оценивающим взглядом здоровенную, шагов в двадцать в длину гардеробную с тремя рядами висящих рубашек, костюмов, белья, курток, плащей и... Ну он первый начал, всучив мне заполненную срамными вещами гардеробную. Серьезно первый начал, а мы, сироты приютские, мы долгов не копим, мы их быстренько возвращаем, так

что...

Вспомнила, где видела оружие, на стене развешанное. Сходила, оценила набор клинков разной степени величины, толщины, красоты. Выбрала самый тоненький и такой длинный, мне до пояса почти, вытащила из крепителя, уронила на лезвие «совершенно нечаянно» сорванную с окна занавеску — та опала на пол двумя кусками материи... Остренькое лезвие, ничего не скажешь. Говорить и не требовалось — ухватив оружие двумя руками, потащила в гардеробную, волоча острием по полу... ковер тоже поделился на две не слишком ровные половинки.

А потом в гардеробной я и ух, я и эх, я и размахнись рука, и разомнись плечо, и в лесоруба поиграла, и в рыцаря, и в мочилово-рубилOVO. В итоге стою такая вспотевшая, капли со лба утираю, а вокруг, словно листья, куски ткани падают — тихо, красиво, завораживающе... И вот стою, люблюсь, а живот «буррр» и «уррр»... Нет, талант определенно не должен быть голодным, иначе никакой возможности любоваться прекрасным!

Вот только с оружием расставаться мне не захотелось, так что я сбегала, занесла рубашки к себе в комнату, после чего все так же с этим мечом неправильной формы побежала вниз искать кухню... Надо ли говорить, что клинок был тяжелый, соответственно я его волочила острием вниз, так что у лорда Эйна ковров стало в два раза больше! Ну, если из одного ковра делаешь две половинки, это ведь уже два ковра, так? Вот какая я хозяйственная, повезло снежному уро... лорду со мной!

Кухню я обнаружила аж на первом этаже, полную перепуганной прислуги... Просто мое «размахнись рука, разомнись плечо» начиналось каждый раз, как я видела занавески, или gobелены, или статуи, — короче вошла я во вкус, но слуги решили, что это я от кровожадности и склонности к убийствам. Темный они народ, вообще ничего в прекрасном не смыслят.

Хотя нет, оказалось, что смыслят — потому как одна из служанок как раз держала поднос, который дребезжал, потому я и обратила на него внимание, а на том подносе красовалось нечто восхитительное — курочка с хрустящей корочкой! Красивая курочка! Я бы даже сказала, что прекрасная, то есть смыслили зеленокожие в красоте, еще как смыслили! Вот только я не сразу поняла, чего это курочка на подносике делает?

Прищурилась, постояла, глядя на прислугу и задумчиво кромсая мечиком дверцу, — клинок вообще знатный попался, древесину резал как горячий нож масло.

— Р-р-родовая ритуальная катана... ей же три тысячи лет... — простонал какой-то мужик и грохнулся в обморок.

Это меня несколько отвлекло, я на клинок глянула, но запах курочки не позволил сбиться с нужной мысли, и я поняла — она на подносе, потому что ее куда-то несли!

— Та-а-ак, — перехватила катану поудобнее, — и куда добро сносим?!

Они икнули и еще шаг назад сделали, хотя и так уже сгрудились в углу кухни, и так компактененько, что все пятьдесят, не меньше, уместились.

Но я и сама догадалась куда — пока я тут привносила в интерьер свое «я» да увеличивала хозяйство лорда, уже и время ужина наступило, соответственно накрывали сейчас стол для его снежности. А я между прочим вся совсем голодная! А он мне любовник, так? Так. Где тогда мой романтический ужин?!

— А проводите-ка меня в столовую для вечерней трапезы, — попросила угрожающе я.

Они дернулись, но никто не поспешил порадовать бедную несчастную голодную меня.

— Ты, с курицей, — указала острием на девицу с подносом, — веди, пока я с голоду совсем не озверела.

Служанка ойкнула и сорвалась в другие двери. Я за ней. Она с визгом, вперед.

— Курицу, курицу не урони только! — орала я, догоняя ее с мечом наперевес.

Уронила.

И не она курицу, а я — катану, как только ворвалась следом за девицей в столовую. И ух какая это была столовая!!! Ну, в целом я не увидела какая, потому как взгляд мой застрял на столе! И ух какой это был стол... Впрочем, кого тут интересует стол, я даже его форму не уловила, перебегая голодным взглядом с одного блюда на другое. А еды тут было... И вина...

— Еда! — прорычал мой изголодавшийся за полгода желудок.

В смысле рычала я, но он явно поддержал, и мы накиннулись на стол, накрытый на две персоны. И чего тут только не было — и курятина, и говядина, и рыба, и свинятина, и фрукты, и кабанятина, и овощатины, и соусатины, и десертатины, и винятины к мясу, рыбе и десерту! А я со вчерашнего дня вообще ничего не ела — на помолвке кусок в горло не лез, с утреца не успела просто, и тут оно!

Через десять минут я была сыта по горло и сидела в кресле с бокалом вина в одной руке, катаной в другой и блюдом с цельным тортом на коленях. Торт был великолепен, но уже не лезло, а потому я, оставив бокал с вином, просто сколупывала с него ягодки с кремом. Вкуснятина!

И вот в момент, когда я, запрокинув голову, облизывала вишенку, держа ее за черенок, дверь открылась...

Лениво облизала всю ягодку, после чего соизволила посмотреть на посетителей и... да чуть катану не выронила! Потому что в дверях обнаружился потрясенный лорд Эйн, галантно поддерживающий под локоток снежную леди, и похоже, что леди Эйн, потому как у нее и у него одинаковые браслеты на руках имелись.

В первый момент я жутко смутилась, просто даже мысли не пришло в голову, что урод женат, но затем... Я между прочим из-за него теперь черта с два выйду замуж! Он мне вообще жизнь сломал! Он...

— Д-д-дорогой лорд Эйн, это кто? — прошипела взбешенная снежная леди.

К слову, страшная, как и лорд. В смысле тоже бледная, с белыми глазами и красным зрачком, а еще ко всему прочему клыкастая слегка. То есть с женой уроду конечно не повезло, но это не повод заводить гарем и портить мне жизнь. У меня, между прочим, жизнь одна, а у него любовниц много — следовало правильно расставлять приоритеты, а не воровать некоторых худеющих к свадьбе секретарей градоправителя.

Короче, сам нарвался, так что я с гордостью отсалютовала красноглазой бледности вновь подхваченным бокалом с вином и представилась:

— Любовница!

Дама икнула.

— Сороковая или сорок первая по счету примерно, — продолжила я, — в смысле не считала, но там наверху у него еще штук сорок девиц определенного рода занятий в срамном одеянии содержится.

Снежная медленно повернулась к лорду, смерила его полным ярости взглядом, затем стянула с руки сверкающий бриллиантами браслет, вручила его оторопевшему лорду и прошипела:

— Вам следует поискать себе другую невесту, лорд Эйн. Но поверьте, о случившемся

узнают все дома с девицами на выданье! Соответственно вам придется как минимум, — взгляд на меня, — в сорок раз увеличить сумму выплаты за невесту. Всего вам мерзкого!

После чего гордо крутанулась и с не менее гордой посадкой головы и разворотом плеч покинула брошенного, как я понимаю, жениха. И она была не одинока — гордо поднявшись с кресла, я уронила торт на пол... случайно. Смахнула с подлокотника бутылку с вином... тоже случайно, просто меня пошатывало, после чего, все так же удерживая катану, протопала к двери, за которой скрылась леди. Смерила стоящего взбешенного снежного гордым взглядом, спину выпрямила максимально и тоже очень гордо и повторила:

— Всего вам мерзкого!

После чего попыталась выйти, намереваясь догнать леди и напроситься к ней в сопровождающие, дабы покинуть эту негостеприимную обитель. И вот я уже почти была у дверей, когда на моем плече вдруг сомкнулись холодные пальцы...

— Не так быстро! — прорычал кое-кто сильно взбешенный двойным пожеланием мерзости.

И мне вдруг неуютно так стало...

И еще более неуютно, когда такие же холодные пальцы сомкнулись на запястье той руки, которая удерживала катану, что увеличивала состояние лорда вдвое. Совершенно бескорыстно, между прочим, увеличивала, а он...

— Ты себе даже представить не можешь, что сейчас вытворила! — прошипел теряющий последние мозги и выдержку снежный лорд.

Но я была пьяна, не менее зла и оттого совершенно бесстрашна:

— Ну почему же, отчетливо представляю, — повернула голову, запрокинула, чтобы рожу перекошенную видеть, и ответила: — Надеюсь, испортила вам жизнь так же, как вы — мою. И ведь я предупредила — пожалеете.

Совершенно не внимая голосу разума, мое запястье сжали так, что, вскрикнув, я выронила катану, и та упала с жалобным стоном, словно сожалея по поводу того, что так и не дорезала снежников ковер. Мне этого тоже было жаль. А еще руку.

— Больно, между прочим, — посетовала я.

Стальные пальцы разжались всего на миг, а затем сжались снова, и снежный рывком развернул меня к себе. И вот его красные глаза в бешенстве взирают на меня с нехилой высоты сугробного роста, и в этих глазах плещется явное желание... Такое явное и очевидное желание, которое от интима или там того, для чего любовниц заводят, вообще далеко. В смысле мужик явно собирается меня убить. А мне так обидно стало! Нет, правда обидно — он меня в любовницы сам взял, я не то чтобы не просилась, я активно отказывалась от столь сомнительной чести... Видимо, изначально в желании этого сугробчика сомневалась и, как оказалось, не зря.

— Куда вы меня тащите? — пискнула, едва подхвативший катану снежный поволок меня в угол.

Обернувшись, лорд смерил меня взбешенным алым взглядом и долбанул... рукой по стене.

Та оскорбилась и открыла пыльный проход, в который снежный яростно шагнул, увлекая меня за собой.

Нет, я бы не увлеклась, вообще никогда не увлекалась грязными пыльными проходами, но мне просто не оставили выбора. Пришлось увлеченно проволочиться метров сорок, потом куда-то вниз по ступеням промчаться, потом лорд Эйн вновь открыл стену, шагнул куда-то в

сухое помещение с серым гранитом (что радовало, хоть не все тут белое) и рывком швырнул меня...

Пролетев метра три-четыре, я рухнула на постель. Мягкую, двуспальную, с хрустящим накрахмаленным бельем. Затем раздался звон. После звук закрываемого замка и... в меня швырнули ключами. Те упали рядом на кровать, поэтому я соизволила сесть, оглядеть странную спальню в стиле «очень комфортная тюрьма», потому как одна стена, та самая с дверью железной, была в виде толстых железных прутьев... То есть меня посадили под замок, но при этом почему-то мне же швырнули ключи от двери.

— Слушайте, — удивленно взглянула на лорда, вцепившегося в прутья и с ненавистью вззирающего на меня через решетку, — все понимаю, но ключи вы мне зачем кинули?! Вы же меня как бы заперли, так?

Красные глазенки снежного вдруг побелели до состояния «выпавший снег», после чего лорд, с трудом сдерживая явно ругательства, прошипел:

— Я тебя запер исключительно чтобы не прибить!

Оу...

Посмотрела на лорда Эйна — тот тяжело дышал, на лбу и шее вздулись вены... в общем, и так не красавчик, теперь и вовсе страшный стал. Вороватым движением схватила ключи и сунула в самое надежное место — за пазуху. Заметила, как сощурились при этом глаза снежного. А еще заметила, что катану он мне оставил, на пол швырнул просто.

— А это мне зачем? Чтобы самоубиться? — поинтересовалась, откровенно побаиваясь услышать ответ.

Снежный перестал жутко дышать и венами вздуваться, нахмурился, взглянул на катану и произнес:

— Это зачарованная сталь — единственное, что может разрезать даже решетку этой... пусть будет комнаты. — Меня как-то напрягло это «пусть будет комнаты». — Оставил в недосягаемости, чтобы не поддаваться соблазну и не убить тебя до того, как использую по назначению. Должен же я получить то, ради чего взял!

И все это с видом праведного гнева.

Праведного!

— А нечего было брать чужое! Меня, в смысле! — воскликнула, сжимая кулаки от злости.

Хотя появилась мысль — катану поднять и пойти уменьшать численность снежных лордов.

А этот, скрипнув зубами, прошипел:

— Я взял свое по праву!

— По какому праву? — заорала я.

— По праву победителя, — отчеканил он.

А ничего, что я в этой войне вообще не участвовала?! И кстати:

— А я по праву жертвы категорически против!

Выражение лица снежного лорда сложно было передать словами. Но он отдышался, частично взял себя в руки и прошипел:

— Мне плевать на твое мифическое право жертвы.

— А мне плевать на ваше немифическое право победителя! — гордо ответила я, садясь удобнее на постели.

Эйн сжал прутья сильнее, рванул их на себя с таким видом, что я на миг даже

перепугалась, решив, что сейчас выломает. Но моя спасительная тюрьма держалась крепко и стояла незыблемо.

— Молись всем богам, чтобы я успокоился до завтрашнего дня, детка, — прошипел снежный лорд. — А пока посиди в тишине и подумай о том, что язык стоит использовать для куда более приятных дел, нежели срыв помолвки твоего господина и повелителя. Сладких снов, Виэль.

После чего лорд отпустил решетку, повернулся и гордо удалился...

Я уже тогда знала, что он вернется.

Причем сегодня.

Причем злой.

Очень злой.

Оч-ч-чень...

Но говоря откровенно — плевать я хотела и на его злость, и на право победителя! Это скотство — наказывать всю страну за тупость ее правителя, которого, к слову, снежные давно убили. Причем мучительно и жестоко, для чего увели в свой Зандарат. И всю королевскую семью до седьмого колена вырезали, лишив нас целой королевской династии. Так что наша страна им вообще ничем не обязана в целом и в частности, мы от войны пострадали гораздо сильнее... да и до сих пор страдаем.

И с чувством законной ненависти к завоевателям я принялась осматривать помещение. Здесь оказалось миленько — присутствовала ванная, туалетная комнатка и даже душевая. Да что говорить — и окно имелось, к слову тоже зарешеченное. Единственное, что мне не понравилось — царапины по стенам, свидетельствующие, что здесь держали кого-то с когтями и неконтролируемой агрессией. Подняв простыни и матрас, убедилась, что кровать сделана из толстой спаянной стали, то есть удароустойчивая. Пол под толстым ковром оказался каменным, тоже сильно исцарапанным... Не хотелось бы встретиться с тем, кто тут до меня обретался. Просто у меня-то таких коготков нет, а жить, даже несмотря на случившееся, хочется.

И тут наверху раздался рев!

Затем по ступеням прогрохотали шаги и в решетку вцепился побагровевший от ярости снежный лорд. Выглядел он презанятно — глаза огромные, щека дергается, волосы встрепаны.

— Г-г-галерея предков! — проорал он, заикаясь. — Стар-р-ринные изваяния!

Пожав плечами, лениво ответила, пародируя сугробчика:

— М-м-моя ж-ж-жизнь и р-р-репутация.

Развернулся, ушел.

Но я и тогда знала, что вернется.

Именно поэтому села подальше от решетки. А то мало ли, вдруг у этих типов руки длинные.

Сижу, жду. Жду... жду...

— Ты-ы-ы-ы!!! — рев слетающего по ступеням снежного лорда.

А все-таки хорошо, что он меня запер.

И просто замечательно, что ключ у меня.

Мило улыбнулась вцепившемуся уже по традиции в решетку лорду Эйну.

— Ты! — У нас определенно дергался красный глазик.

Смотрелось приятненько... заодно решила в жизни отсюда не выходить во имя

сохранения этой самой жизни.

— Виэль, золотко, дай ключ, — прошипел, с трудом каждое слово выговаривая, лорд Эйн.

— А я предупреждала ваших слуг, что меня кормить надо.

Выругавшись, лорд отцепился от решетки и ушагал. Я же, не удержавшись, к решетке подбежала и спросила осторожненько:

— Это вы уже в гардеробную заглянули?

Эйн застыл. Затем медленно повернулся и, бледнея, спросил:

— Ты и там побывала?

Широко улыбаясь, посоветовала:

— Охрану ставить надо было.

— В собственном доме?! — севшим голосом уточнил снежный.

— Или запирайтесь на худой конец, — продолжала я раздавать советы.

И тут этот размылся в воздухе, снежным бураном метнулся к решетке (я едва отпрыгнуть успела) и заорал:

— Ты!!!

После чего развернулся и ушел. А я вот точно знала, что вернется.

Вернулся минут через пять. Молча вернулся, без ругани, но с десятком метательных ножей на поясе. Быстренько спряталась в туалете. Хорошее место выбрала — он мне очень понадобился, когда в толстую деревянную дверь начали втыкаться клинки. Качественно так втыкаться, основательно, пробивая доски насквозь. Так что я решила посидеть здесь... от греха подальше.

Потом пару часиков было тихо, но все еще страшно.

Еще часа через три, понимая, что глубокая ночь на дворе, я решилась покинуть свое убежище. Осторожненько приоткрыла дверь, выглянула из-за нее и увидела снежного лорда, сидящего прямо на полу, упираясь локтями в полусогнутые колени, и находящегося в обществе здоровенной, литра на два, бутылки вина. Бутыль приближалась к пустому состоянию, лорд — к невменяемому.

— За что?! — сипло спросил он, узрев мое появление.

— Мм-м... — Пригляделась повнимательнее — ножей у него вроде больше не было. Вышла из-за двери, дошла до кровати, присела на мягкое (а то на некоторых для этого не предназначенных сидениях пять часов кряду провести не слишком удобно было) и устало ответила: — Уже говорила.

У него кулаки сжались, затем разжались, лорд еще раз отхлебнул из бутылки и убитым голосом сообщил:

— Свадьбы у меня не будет, завтра во дворец на коронацию сэльда явиться не в чем — мой парадный костюм ты уничтожила, от галереи предков осталось одно название... Видимо, я чем-то сильно прогневил богов.

— Нет, не богов — меня, — вставила я.

— Заткнись, — мрачно скомандовал лорд.

И снова принялся пить.

И я могла бы позлорадствовать, но как-то неожиданно прониклась его страданиями.

— И что, — спросила, устраиваясь на постели с ногами, — очень важная коронация завтра?

Лорд Эйн молча кивнул.

— Очень важно быть там?

— Не просто быть, — он усмехнулся, — быть в костюме цветов дома сэльда.

— Что за цвет? — тут же поинтересовалась я.

Снежный поднял голову и посмотрел на меня как на душевнобольную.

— А, белый! — догадалась тут же.

Кивнул.

— Чисто белый? — уточнила, потому как с белым у них тут цветное помешательство.

— Белый с золотым отливом, — подтвердил мое предположение по поводу помешательства снежный лорд.

Попыталась вспомнить, а использовала ли я свое «размахнись рука, разомнись плечо» на белом с золотым отливом?.. Вспомнила, что одна из заныканых рубашек была как раз белая, но вроде с золотым блеском. Оно? Ну если оно, то жить можно... наверное.

Приняв позу понаглее, начала проникновенным тоном:

— Допустим, рубашку я вам верну...

Эйн поднял голову снова, вопросительно на меня уставился.

— А костюм, я так думаю, до утра и зашить можно... — Это я намекнула на его прислугу.

— Некому, — с ходу обломал все мои идеи по перекидыванию трудов на чужие плечи лорд.

— Почему это некому? — удивилась я. — А слуги?!

— Заперлись, — последовал ответ, от которого я едва не упала. Ну точно бы упала, не сиди на постели.

— Где заперлись? — севшим голосом спросила у этого... на всю голову странного.

— В подвале, — прорычал снежный.

Это они меня так испугались?!

— Зачем?! — воскликнула, подскочив. — Я же уже сытая, то есть мирная.

И вот тут эта помесь сугроба с бураном как рявкнет:

— Зато я голоден!

И мне как-то сразу стало радостно, что нас решетка разделяет. И радостно, и спокойно, и выходить передумалось. До утра, как минимум. Интересно, остальным так же?..

— Лорд Эйн, — с содроганием глядя на него, — ну так, может, мне их позвать?

Мужик скорбно и отрицательно покачал головой и мрачно произнес:

— До утра не выйдут. Опытные уже.

И тут я сообразила — утром Эйна может не быть! Он свалит на коронацию, если я очень постараюсь. Точнее, если я договорюсь, а потом очень постараюсь. Но учитывая, что есть шанс договориться...

— В общем, так, — поднялась с кровати, — я шить умею.

Выражение на лице снежного лорда стало примечательное. Но меня такие мелочи, как чужие физиономии и их выражения, никогда не останавливали, а потому я решительно продолжила:

— Давайте так — я зашиваю ваш костюм и возвращаю рубашку, а вы меня за это не будете делать любовницей!

Последняя часть фразы получилась несколько патетичной, но интерес лорда определенно вызвала. В смысле на меня очень заинтересованный взгляд бросили. Но при этом спрашивать ни о чем не стали.

— И? — Я лично желала ответа на вынесенное предложение.

— Нет, — ответил сугроб.

У-у, упрямый.

— Да бросьте, — возмутилась я, — зачем вам очередная любовница, сами подумайте. А на коронации быть вам требуется.

И взгляд на него направила, почему-то жалостливый.

— Нет, — последовал непримиримый ответ, — я не так часто беру себе новые игрушки, чтобы ими столь неосмотрительно разбрасываться. Ко всему прочему, ты мне обошлась невероятно дорого.

Я тебе обошлась дорого?! Игрушка?! Да ты попал, мужик.

— Ладно, тащите ваш камзол, я вам его так зашью, — сдалась жертва чужой повышенной темпераментности (сорок любовниц это точно повышенный темперамент).

Эйн не поверил. Нахмурился, покрутил бутылку в руке и задумчиво произнес:

— А что я теряю...

— Вот именно, — вставила предприимчивая я.

Я тебе так костюм зашью, что он лопнет в самый неподходящий момент, сволочь.

И улыбнулась. Мило так, до оскала.

Но сработало — лорд встал и вышел. Вернулся вскоре, неся последствия моей махательной деятельности, и вот едва он мне это через решетку просунул, я поняла, что все не так уж и плохо — оказывается, прорезана была одна штанина на брюках, но косо, и на груди тоже порез, тоже косо. Разложив все на полу, обнаружила даже некоторую симметрию.

— Мне нужны нитки, лучше серебряные или...

— Золотые, — отозвался сугроб, — нужны только бело-золотые.

— Без проблем, — кивнула я, — несите.

Никто никуда не дернулся. Более того, кое-кто стоял и смотрел на меня внимательно.

— Что? — опять пришлось мне проявлять инициативу.

— Где я их возьму? — враждебно поинтересовался лорд Эйн.

— Швея, портниха, или там швей и портних у вас есть?

— «Швей и портних»?! — переспросил этот несообразительный.

— Это то же самое, что швея и портниха, только мужского рода, — терпеливо пояснила я. Вздохнула: — Ну, портной...

Снежный продолжал смотреть на меня, только теперь несколько округлившимися глазами.

— Ох, да что непонятного-то?

Скривился, пояснил:

— Они заперлись.

И добавил:

— В подвале.

Да это-то я уже поняла, не понятно другое:

— С нитками и иглками?

Задумавшись, снежный отрицательно качнул головой. Я поняла, что к дальнейшим действиям этого подмороженного придется подталкивать:

— Хм-м, — начала я, — и где же в таком случае могут быть эти несчастные и покинутые швеями и портными иглки и нитки?..

И тут я поняла, что он не подморожен, он тормоз! Потому что в ответ на мое намекательное предложение раздалось оторопелое:

— Где?

Он издевается! Присмотрелась — поняла два момента: первый — лорд пьян, второй — он лорд, в смысле о швейных делах не в курсе и вообще.

— Так, — мне это разонравилось, — покинутые и несчастные иголки и нитки должны были остаться в мастерских, мастерские знаете где?

Задумался. Основательно задумался. Затем медленно проговорил:

— В подвале?

Вопросительно проговорил! Не поверив своим ушам, я язвительно поинтересовалась:

— Это вы у меня спрашиваете?

Нахмурился. Понял, о чем я, еще больше нахмурился и мрачно сообщил:

— Не в курсе где.

Раскинув руки в жесте «Это вообще как?!», возмущенно смотрю на этого... полного лорда! На всю, черт его, голову лорда! Кажется, с этого момента моя вера в наличие у аристократии мозгов сильно пошатнулась. С другой стороны, она пошатнулась в тот момент, когда наш на всю голову уже покойный король начал войну с этими... Этими... не особо умными тоже.

И вот что мне делать? Если у Эйна не будет костюма, он завтра утром не свалит, соответственно, и я тоже, так что делать что-то определенно нужно. Но вот выходить из моего надежного убежища и идти искать мастерскую самой не особо хочется... Да и страшно. Предприняла последнюю попытку:

— Слушайте, ну должно же быть место, куда вы на примерку ходите! — Он на меня снова уставился вопросительно. — Ну где примеряете костюмы в процессе их пошива!

Ответ потряс:

— Не примеряю. Они сразу в гардеробную переносятся после изготовления.

То есть как сразу?!

— А мерки как снимаются? — продолжила я.

— Не интересовался, — честно ответил снежный.

Твоюжжж!

— То есть вам так шьют и приносят? — догадалась вдруг я.

Пожал плечами, мол речь о само собой разумеющемся.

— А если там размер не подходит или еще что не так?..

Ответ меня потряс:

— Одним швеем становится меньше.

Я чуть не грохнулась.

— Что? — спросила слабеющим голосом.

Тяжело вздохнув, раздраженно пояснил:

— Одной швеей мужского пола. Виэль, я начинаю искренне сомневаться в ваших умственных способностях. Как вы вообще дослужились до должности секретаря градоправителя с вашим-то крайне убогим рассудком?

Это он мне?!

— Через постель! — заявила, не задумываясь.

Кстати, именно так думали практически все, кто плохо меня знал.

— Лжете, — ни на миг не поверив, произнес лорд Эйн. — В вопросах постели вы не

искушены настолько, что были бы крайне скудной любовницей, соответственно господин Найнван вряд ли стал бы вас терпеть еще и на работе.

После его заявления я несколько секунд стояла и хлопала ресницами. Меня только что оскорбили. Причем оскорбили значительно сильнее, чем если бы признали просто подстилкой градоправителя. Точнее, если бы признали, я бы тоже оскорбилась, но так...

— А идите вы, лорд Эйн! — прошипела разъяренно.

— Куда? — не понял он. И добавил: — Я совершенно не в курсе, где у моих портных мастерская!

Сказано было обвинительным тоном, я прямо ощутила, что это именно я в данном факте виновата. Но если честно:

— Слушайте, а вы вообще в своем замке ориентируетесь? — поинтересовалась я.

И получила невероятный ответ:

— Смутно.

После чего снежок добавил:

— Хозяйственной частью должна заведовать жена. Но... — и алые глазенки сузились, — вы меня ее лишили!

Решив, что на убогих обижаться бессмысленно, меланхолично ответила:

— Тогда мы в расчете, вы же с утра лишили меня мужа.

Снежный повел плечом и уверенно произнес:

— Я сделал вам одолжение, он ничтожество.

Чуть не упала! Несколько секунд оторопело смотрела на Эйна, но после решила выложить все карты на стол:

— Я не за Людвига замуж собиралась, хотя и ничтожеством его не назову, он просто... — попыталась подобрать слово и подобрала: — немного избалован.

— Ничтожество, — безапелляционно припечатал сугроб этот.

— Я собиралась замуж за Закари! — взвизгнула разъяренно.

А этот уро... лорд, пожав плечами, спокойно спросил:

— И?

— Что «и»? — не поняла я.

— И он тоже ничтожество, — спокойно добавил снежный.

Затем добил:

— В ином случае вы не стали бы спешно организовывать свадьбу с сынком градоправителя, пытаясь избежать моего внимания.

То есть этот все знал?!

Оторопевшая, я молча смотрела на лорда Эйна, даже не зная, что сказать. Снежный все так же безразлично сообщил:

— Мужчина, не способный защитить свою женщину, — ничтожество.

Интересное заявление, особенно если учесть один маленький факт:

— Или сорок своих женщин, — язвительно протянула я.

И вот тут снежный удивил:

— Все сорок под защитой. — Тут его губы слегка растянулись в странной улыбке и мужик добавил: — Точнее — сорок одна.

Появилось желание треснуть его чем-нибудь, но быстро сменилось любопытством, и я спросила:

— Это как под защитой?

Этот который уро... лорд, вдруг совершил короткий замах бутылкой и швырнул ее столь быстро, что я не успела даже вскрикнуть, не то чтобы увернуться, но... Но в полуметре от меня склянка зависла. Точнее вросла в невесть откуда взявшийся лед! Живой лед! Который глянул на меня прозрачно-голубыми глазами, издал подражательное зимнему ветру «У-у-у!» и начал исчезать, унося с собой бутылку. Исчез...

— Под защитой, — спокойно резюмировал лорд Эйн.

И я таки рухнула на пол.

Потому как вдруг, совершенно неожиданно, подумала — как здорово было бы сбежать отсюда, но такого защитника себе оставить. Это я бы тогда и ух... и эх... и сколько всего добилась бы, если бы у меня такая защита была бы! А кстати:

— Страж мой личный или общий евнух на весь гарем?

— Личный, — обрадовал Эйн.

Не улыбаться, не улыбаться, не...

— У вас какая-то странная улыбка, — заметил совершенно некстати снежный лорд. — Больше похожа на торжествующий оскал.

Еще бы!

— А идемте-ка искать мастерскую, — доставая ключи из декольте, предложила я.

Но увидев взгляд снежного, выходить передумала.

Красные глаза смотрели пристально, пронизывающе и трезво.

А таким трезвым после столь обильного возлияния может оставаться только знатный пропойца в первой стадии алкоголизма. Да-да, это их отличительная особенность — пить и не пьянеть.

— Часто к бутылке прикладываетесь? — деловито поинтересовалась, поигрывая ключами.

— Вы смеетесь надо мной? — мрачно спросил снежный.

— Да бог с вами, — я старалась не улыбаться, — в конце концов, лорд Эйн, поверьте, — гораздо лучше, когда смеются над мужчиной, а не под ним.

И снежный завис, размышляя над фразой.

Я тоже как-то запоздало сообразила, что сказанула, поднялась с пола, но открывать свою клетку опять-таки передумала.

— Интересное... замечание, — после долгого молчания выдал он.

Кто бы спорил, я не буду.

— Идемте, — лорд Эйн отошел от решетки, — попробуем отыскать... — взгляд на меня, — искомое.

Окончательно расхотелось выходить, как-то неприятно было ощутить себя искомым, особенно если искателем снежный лорд выступает. Так что я осталась стоять с самым невозмутимым видом.

— Виэль, — позвал лорд Эйн.

Сделала вид, что я его не слышу.

— Виэль, можете выходить безбоязненно, я вас и пальцем сейчас не трону, — произнес Эйн.

— Точно? — спросила недоверчиво.

Он у меня как-то вообще доверия не вызывал.

— Абсолютно, — заверил владетель местного гарема.

— Не выйду! — нагло заявила я. — А мастерскую можете на и под чердаком поискать.

Сугроб что-то прошипел, развернулся и ушел, оставив меня в обществе своего порезанного костюма. И странное дело, только он ушел, мне вдруг стало как-то грустно. Заскучала даже по нему. И к двери поближе подошла, и ключи нервно теревить начала, достав их из декольте и...

Э, а чего это со мной?!

Постояла, посмотрела в пустой коридор, поняла, что мне чего-то не хватает. Точнее кого-то. Еще точнее — Эйна! Мне вдруг жутко стало не хватать Эйна! И тут этот снежный сбежал по ступеням, весь злой и раздраженный, остановился в метре от решетки и меня соответственно и прошипел:

— На чердаке нет. Под чердаком тоже нет.

А я посмотрела на него огромными изумленными глазами и неожиданно поняла — красивый же он мужик! И эта благородная бледность лица, и эти невероятные красные глазенки, и редкие, но симпатичные волосы, и эти выпуклые скулы, и... Что происходит?! И почему это Эйн вдруг стал такой красивый?! Или не стал?

А сам снежный лорд, перестав возмущенно сопеть, приподнял бровь, взглядываясь в меня. Затем усмехнулся, скорее пораженчески, чем победно, и устало произнес:

— Началось.

— Что началось? — исследуя взглядом его мужественную шею, выдохнула я.

Он не ответил, но улыбка стала какая-то насмешливо-коварная. Это в первый миг. А потом мой мозг сам за меня решил, что это самая обольстительно-обворожительная улыбка на свете! И мужик самый красивый во всех мирах! И я его хочу! И я от него точно никуда не уйду — он меня тоже полюбит! И...

И тут я вспомнила любовниц лорда Эйна. И сначала ревность такая накрыла, а вот потом... Я так понимаю, девицы все как одна тихо скромно сидели в своих комнатках и голодали исключительно потому, что «лорду стройненькие нравятся»?! То есть, чтобы ему понравиться! То есть...

— Я вот не поняла, — неловко отшагнула от решетки, — это сейчас что такое началось, а?

Лорд Эйн все с той же ухмылкой раскинул руки, предлагая пасть в его объятья, и с некоторой скукой сообщил:

— Мы особо не разбирались, но женщины вашей расы сходят по нам с ума. Час, два, три — кто как, и появляется ничем не обоснованная любовь на грани обожествления. С одной стороны, достаточно скучно, с другой — вы идеальные постельные игрушки.

Кто-то грохнулся. Вот как стоял, так и грохнулся на мягкое, но от этого ничуть не менее болезненное место. А этот невероятно красивый мужик с каждой минутой становился все красивее и притягательнее! И вот уже перед моими глазами в рядок у стены с десятков белокожих красноглазых сыночков представляются, которых я хочу вот от этого индивида повышенной сексуальной привлекательности!

Одна проблема — попа болит и гордость ноет. Ух как гордость ноет! Потому что Виэль Мастерс вот уж точно ничьей постельной игрушкой никогда не будет. Секретарем, личным помощником, полноправной женой, но точно не постельной игрушкой! Встала, отряхнула рубашку, у снежного уворованную, и хмуро произнесла:

— Всегда знала, что красивым мужикам мозгов недостает — серое вещество в накачанные мышцы уплывает.

Лорд Эйн потрясенно руки опустил и переспросил:

— Что?

— Я говорю: меньше слов — больше дела! Нитки с иголками где, красноглазый?!

Нахмурившись, прекрасное снежное изваяние идеального отца моих будущих детей выдало:

— Не нашел. И потрудитесь обращаться ко мне более уважительно, Виэль. Можете называть меня «господин».

Видение десяти сыночков медленно истаяло — не люблю заносчивых мужиков, а этот явно такой. Зато сразу ясно, что безопасный — он на меня теперь точно не набросится, потому как если что, я на опережение пойду.

— Ладно, — снова достала ключи из декольте, — идем, ледышка, твою халупу исследовать будем.

Но пока я открывала двери, этот, поправив воротник своей рубахи, разъяренно прошипел:

— «Господин», Виэль. Я уже осознал, что у вас трудности с восприятием простых фактов, так что понимания не требую, просто — запомните.

Это у меня трудности? На миг перестала ключ в замке прокручивать, из-под ресниц взглянула на лорда, постаралась скрыть усмешку. Это не у меня, мужик, это у тебя большие трудности возникли. Если уж ты так много обо мне успел выяснить, должен был бы знать, что Закари поначалу на мне жениться даже не собирался. Это я в него влюбилась. А влюбленная я хуже меня же просто злой и оскорбленной. Так что это у тебя проблемы, мужик. Большие проблемы. Имя им я! В смысле, твоя жена будущая.

Открыла дверь, выскользнула, подплыла поближе к потенциальному супругу, и ничего, что тупой, — поумнеет, деваться ему теперь некуда, окинула его с ног до головы влюбленным взглядом, преданно заглянула в красненькие глазенки и промурлыкала ласково так:

— Сугробик ты мой, а по каким уровням замка ты обычно вообще никогда не ходишь?

Снежный изумленно моргнул, потом почти зарычал, потом...

— Да, с мозгами проблемы, — печально констатировала я.

То есть короче, наверное, если не выйду замуж, так просто поиспользую и брошу.

— Виэль! — прошипел разъяренный лорд Эйн.

— Да ладно, чего уж там, — я похлопала ресничками, — мы люди не чужие, даже уже практически близкие, так что можешь звать меня по-простому: «госпожа моего сердца».

И пока сугроб зависал, говорю же — тупой, я пошла прочь, запоминая по ходу движения место расположения моего спасительного закутка.

Разъяренный лорд Эйн догнал меня к тому моменту, когда я на середине лестницы уже была. Взбешенный мужик схватил за плечо, развернул к себе и собирался уже было скандал закатить, но... он такой весь потрясный, тощенький, страшенький, эротично-притягательный, что я решила на него не злиться — обняла, носом о его грудь потерлась, щекой прижалась, сердечко гулкое послушав, развернулась, да и продолжила свой путь. А этот завис снова.

И так он основательно завис, что когда я до верха лестницы дошла, пожалела его несчастного, обернулась и позвала:

— Снежок ты мой, идем уже, чего застыл?

Там что-то прогромыхало и кто-то сильно заругался, а я уже пошла искать мастерскую. И вот по логике — кухня была на первом этаже, любовницы на третьем, покои моей

страшненькой радости на втором, на чердаке и под чердаком мастерской нет, по словам Эйна, на первом уровне подвала мой закуток, слуги, получается, прячутся на втором подвальном уровне... Вопрос, где могут быть мастерские?

Постояла, подумала... решила спросить.

— Ледышик, — обернулась, лорд Эйн как раз рядом уже был, — а пристройки у твоего домишки имеются?

— Виэль, ты все еще пьяна?! — прошипел этот вместо ответа.

И вот тогда вся оскорбившаяся я зло спросила:

— Мастерскую сам искать будешь?

Отрицательно мотнул головой, красные глазенки поблескивают. Потом задумался, глядя поверх моей головы, затем слегка нагнулся и оп — подхватил меня на руки. Романтик какой, мрр.

— Холодно будет, — отчего-то предупредил.

— Мрр, — не знаю насчет холодно, мне от его объятий уже тепло и хорошо, и на душе приятно.

Но затем тело лорда вдруг в единый миг стало снежным бураном! И этот вихрь, удерживая меня ледяными лапами, ринулся по коридору под мой истеричный визг — холодно же! А я в одной шелковой рубашечке, у этого красноглазого уворованной! А он мчит на такой скорости, что уши закладывает и окружающий пейзаж одним смазанным пятном стал! И так только: темно — темно — темно — пятна света — темно — свет — холодно!

— А-а-а-а! — Мой вопль, казалось, тоже замерз.

— Виэль! — раздраженно прошипел буран. Из снежного хаоса стремительно перемещающихся снежинок на меня смотрели знакомые красные глазенки. — Посмотри вниз и скажи, где мастерские!

К-к-какой «вниз посмотри»?!

Но потом посмотрела. Голову повернула, глянула, взвыла — мы висели в воздухе! Прямо в ярком синем искрящемся морозом воздухе! А там внизу был снежный замок! Смешной такой — как половина яйца, в смысле вроде яйцо врыто наполовину в землю острым концом вверх. Только скорлупа вся из кирпичиков и с окошками красивыми резными. И такие эти окошки сверкающие были красивые, что я даже не сразу заметила еще пару яиц-строений, только гораздо, раз так в десять, поменьше замка, которые возле него имелись.

— Д-д-да в-в-вот ж-ж-же он-н-ни, — пробормотала, дрожа от холода.

А этот ледяной тормоз язвительно так:

— Мастерские среди этих строений есть?

— Мне откуда знать?! — взвилась я. — Я тебе управляющий или экономка?!

Потом, несмотря на то что, казалось, даже мозг замерз, поняла одну странность — на поверхности виднелись только эти яйца и девственный нетронутый снег. То есть вообще ни следов, ни тропок, ни дорог — ничего. Один снег.

— Слушай, — на миг даже дрожать перестала, — а вы тут что — все летаете?

Буран снова взглянул на меня красными глазенками и прорычал:

— Холодно. Кроме нас, снежных, никто на поверхности находиться не может, поэтому все переходы подземные.

И вот тут я молча и выразительно посмотрела на этого тупого снежного лорда. Очень выразительно.

— Что? — не осознал моего негодования буран.

— Х-х-холодно, г-г-говоришь? — прошипела разъяренная я. — А ничего, что я как бы тоже не сугроб, а?!

— А... — начал было Эйн.

И ринулся вниз.

Через минуту я уже сидела на кухне снегордовского яйцезамка перед жарко пылающим камином, в котором догорала туша кого-то большого и явно вкусного.

— Снежного быка готовили, — с тоской протянул лорд Эйн, сидящий рядом со мной, только я на стуле, а он на корточках.

Мы посидели, посмотрели на догорающее мясо, потом я спросила:

— И что, вот так все бросили, как было, и сбежали прятаться в подвале?

— Опытные, — тяжело вздохнул лорд.

Искоса посмотрела на него, потом осторожно вместе со стулом отодвинулась. Этот глянул на меня недобро, протянул руку, за ножку стула ухватился и придвинул обратно. Сидим. У меня все еще зубы стучат от холода, и мысли недобрые витают. В смысле мужик-то не только странный, он еще и невменяемый, раз все так предусмотрительно сбегает при малейшем намеке на ярость у буранчика.

— И часто они... опыт свой задействуют? — осторожно спросила я.

Лорд Эйн пожал плечами, задумался и нехотя ответил:

— Три-четыре раза в год.

О как! Невменяемость у нас строго по графику, оказывается.

— И как накатывает? — продолжила я. — По причинам или просто из прихоти?

На этот раз сначала раздался скрежет, затем злое:

— После каждого заседания совета, ну и когда мать... заявится.

То есть у нас проблемы на работе и в семье тоже не сладко. В общем, мужик так себе и даже хуже.

И тут этот, с большими проблемами, взял и положил руку мне на колено. Молча, властно и по-хозяйски. Молча, безапелляционно и тоже весьма по-хозяйски, в конце концов, это мое колено, убрала его руку. Последняя шлепнулась на колено снежика, от чего он удивленно воззрился на меня. Сидим. Смотрим на огонь, я лично отогреваюсь. И тут этот взял и положил ладонь мне на бедро. Молча взяла брезгливо за один его длинный холодный палец, сняла длань с себя, бросила ему на колено.

— Весьма странно, что не действует, — глубокомысленно заметил лорд Эйн.

— А как должно действовать? — проявила я любопытство.

— Ты должна томно вздыхать, восторженно смотреть на меня, таять от каждого прикосновения и быть на все согласной, — сообщил сугробик.

Представила себе. Повернулась к Эйну, косящему на меня глазом, томно вздохнула — страшненький, зато свой, любимый, восторженно глянула на стекло холодильного шкафа — я в нем такая красивая отражалась, и тут снегордик взял и положил опять свою лапу мне на колено. А лапа, кстати, холодная! А я еще не согрелась.

— Да убери же ты руку! — взвилась я со стула.

На меня с интересом поглядели. Затем плавно поднялись, скользящим движением приблизились и жарким шепотом поинтересовались:

— Возбуждаю?

— Вымораживаешь! — искренне воскликнула я. — До сих пор холодно, а тут еще ты со своими ледяными конечностями!

Интерес сменился недоумением. Затем Эйн поднял ладонь, поднес к лицу, поразглядывал и выдал:

— Да нет же, оболочка на месте, значит, выморозить не мог.

И вот после этого я честно призналась:

— Мужик, я тебя боюсь.

Этот взял, лицо поправил, кожу на руках, после чего чертовски обольстительно мне улыбнулся. И сердце, главное, послушно дрогнуло, дыхание у меня участилось, в голове потемнело, и голос предательски дрогнул, когда я выдохнула:

— Ничего у нас с тобой не получится, я монстров с детства не очень люблю, скорее даже наоборот. Так что хорош скалиться, сугробик ты мой жутенький, пошли искать портняцкую местную.

И вот тут лорд Эйн, кажется, обиделся, потому как обратился бураном, да, жутким таким, с поблескивающими в нем красными глазенками, и умчался невесть куда. Я постояла, постояла... и решила поесть. Слуги, как оказалось, смылись, вообще все побросав, так что в одном из котлов я обнаружила недурственное мясное рагу, из печи вытащила слегка перерумянившийся хлеб. Нарезав хрустящую булку, набрала себе рагу в глиняную миску и села кушать. А что, все равно же жду. К тому же после полугода голодания ради свадебного платья возможность нормально поесть безумно радовала.

И вот я безмятежно ем, а дверь распахивается и влетает буран. Обращается снегордиком и смотрит на меня голодными глазами.

— Чего? — нагло жуя, поинтересовалась я и ложку облизала.

Рагу вышло чудное и от того, что перетомилось немного, сделалось только лучше.

— Ты чем занимаешься? — спросил монстр, вокруг которого воздух вдруг начал сыпаться снежинками.

— Ем. А что, не видно? Так глаза от снега протри, — ласково посоветовала лорду Эйну.

Этот протирать не стал, подошел к столу, поглядел на довольную меня и неожиданно произнес:

— Я тоже голоден.

Глянула на него, пожала плечами и сказала:

— Ну так не мешаю, ешь.

А этот взял, отодвинул стул, по-барски сел, подтянул рукава и мило так мне:

— Ну так, может, ты стол для меня накроешь, дорогая?!

Я чуть не подавилась от такой наглости. Но ничего, сдержалась, прожевала, проглотила и напонила:

— Дорогой, начнем с того, что ты в меня еще несколько не вложил, так что никакая я тебе не «дорогая». Закончим тем, что я тебе как-никак любовница, — ехидно-наглая улыбочка, — а мы, феи страсти, не созданы для кухни. Так что давай либо сам, либо слуг зови, либо женись, вот, кстати, в обязанности жены входит столь досадный пункт, как кормление мужа.

Но этот, вместо того чтобы внять моей пламенной речи, перегнулся ко мне через стол и как прошипит:

— Дорогая, учитывая, что жены и ужина я лишился по твоей милости, будь так любезна сейчас встать и накрыть для меня, твоего господина, стол!

Чуть ломоть хлеба от такого не выронила. Но удержала, откусила кусь, прожевала, задумчиво взирая на обалдевающего от моей реакции лорда Эйна, и ответила:

— Слушай, снежинка, у тебя какая-то странная логика, должна признать. По твоей логике, если я твой замок разрушу, отстраивать его тоже я должна? Ты что, издеваешься? Я — и это яйцеподобие на морозе складывать? Мне что, заняться больше нечем?

И у кого-то через стол перегнувшегося банально отвисла челюсть. А мне его такого потрясенного даже жалко стало. Зачерпнула ложкой побольше рагу, сунула в приоткрытый рот и сказала:

— На, поешь, болезный. Сил наберись, а потом вставай уже и начинай наконец даму обслуживать. Я, между прочим, вина хочу, а мне его еще никто не налил. И кстати, это по твоей милости не наливают — слуги-то от тебя сбежали!

Лорд прожевал и проглотил мною милостиво пожертвованное, сел ровнее, побарабанил бледными пальцами по столу, а после — жалобный взгляд на меня и печальное:

— Не умею.

— Чего не умеешь? — вылавливая из рагу понравившийся кусок мяса поинтересовалась я.

Злющий лорд Эйн прошипел:

— Я не умею сервировать стол, Виэль. Нас этому не учат. Я даже не знаю, где здесь находятся столовые принадлежности, нужные мне приборы, фарфор приемлемый для столь поздней трапезы, салфетки нужного цвета и...

— Эй, эй, эй! — У меня чуть аппетит не пропал от всего этого. — Какой сервировать стол? Какие салфетки и фарфоры? Молча встал, взял первую попавшуюся миску глиняную, ложку подходящую нашел, рагу зачерпнул и сурово принялся за еду. В конце концов, представь, что ты на войне и в походных условиях, соответственно, не до сервировки. И вообще будь мужиком — есть проблема, реши проблему и не выпендривайся.

С этими словами я очаровательно улыбнулась и уже собиралась продолжить есть, как этот... лорд молча встал, протянул руку, отобрал мою глиняную миску, после мою ложку, водрузил это все перед собой, придвинул хлеб, взял не ломоть, а всю оставшуюся нерезанной буханку, сел и... начал есть!

Оторопев от подобной наглости, я просипела:

— Это что вообще такое?

— На войне, так на войне, — уплетая мое рагу, отвечивал лорд Эйн. А затем еще и добавил: — Ты сказала: «Молча встал, взял первую попавшуюся миску глиняную», я так и сделал.

У меня от такого дар речи пропал и челюсть отвисла. А этот:

— На, поешь, болезная, — и ложку с рагу мне в рот впихнул.

Чуть не подавилась. Закашлялась, снежный же, торопливо наворачивая, осведомился:

— По спинке постучать?

— Благодарю, не стоит.

Он кивнул и продолжил есть. Наглый такой, красные глазенки победно поблескивают, челюсти быстро-быстро работают, улыбка нет-нет да пробивается. И вот как тут стерпеть? Не стерпела.

— Так, значит, на войне ты мародерством промышляешь?

Есть перестал. Так и сидит, ложка с рагу на полпути ко рту зависла, мясной сок с нее капает прямо на стол. Глаза такие злые стали.

— Как я догадалась? — Хорошо хоть ломоть хлеба у меня не отобрал, так что я от него отщипнула, в рот отправила, прожевала. — Да чего ж тут догадываться. Если ты в невоенных

условиях у слабой женщины последнее отнял, страшно представить, кого в военное грабишь... — И с самым страдальческим видом: — Видать, у детей малых конфеты с игрушками отнимаешь...

Лорд Эйн моргнул, после швырнул ложку с рагу в миску с рагу и, подавшись ко мне, прошипел:

— Виэль, мне безмерно любопытно, как ты себе это представляешь? Хотя нет, не отвечай, с твоим-то извращенным воображением...

Я покивала, перегнулась через стол, ухватилась за свою миску, притянула ее обратно и принялась есть, поглядывая на лорда Эйна. На мои действия он отреагировал злобным скрежетом зубов и продолжил:

— Просто логически — что бы я делал со всеми этими теоретически отобранными у младенцев игрушками?!

— А кто тебя знает, — активно наворачивая рагу, безразлично ответила я, — с сорока лямурицами нашел что делать, а с игрушками не найдешь?!

— С сорока проблем не было, на сорок первой начались, — глядя на меня, произнес лорд Эйн.

— Раньше об этом думать надо было, — наставительно сообщила я, понимая, что как-то уже объелась, но не желая заканчивать трапезу чисто из вредности.

В следующее мгновение случилось нечто неожиданное — где-то в самом замке что-то прозвенело, затем звон распространился, от чего внезапно сильно побледнел мой снежный лорд, а после в кухню влетело... зеркало. Размером оно было с большую тарелку, снежно-серебристый орнамент делал его каким-то сказочным, а вот отражающаяся в нем белая физиономия с длинным носом, красными глазенками и в тон к ним извадюканными багровой помадой тонкими, скорбно поджатыми губами, скорее относилась к области кошмаров. И вот этот анфас явно женской принадлежности, скользнув по мне презрительным взглядом, поистине уничижительно уставился на застывшего лорда Эйна.

И именно ему было сказано:

— Отличился!

Одно слово, но резануло так, что мне неприятно стало, снежок и вовсе сжался, хотя и прикладывал все усилия, чтобы казаться невозмутимым. Невозмутимо и произнес:

— Мама, я бы вас попросил...

— Единственный сын своего отца — слабак, — продолжила маман. — Мало того, что неудачник, так еще и жалостливый слюнтяй!

После такого мне стало как-то не по себе, и дело даже не в том, что лорд Эйн, явно желая высказаться, сдерживался и не позволял себе срывать на оскорбления, чем эта мегера и пользовалась. То есть это когда сильный слабого не обижает, слабый в курсе, наглеет от осознания своей безнаказанности и внаглую швыряется в сильного оскорблениями. Эта и швырялась. А у моего снежика, между прочим, тонкая душевная организация, и вообще он мой. А я не люблю, когда мое трогают.

Рывком поднялась, на глазах у изумленного Эйна взяла это висящее в воздухе зеркало, развернула к себе и ядовито произнесла:

— Здравствуйте, маман. Разговор есть.

Жуткое лицо напротив продемонстрировало крайнюю степень изумления. После чего повысив голос, это красноглазое уроденькое возопило:

— Вальд! Кто это?!

О, так его зовут Вальд? Вальд и Виэль — да мы пара!

О чем я и сообщила слегка ошарашенному развитием событий снежному лорду:

— Я согласна.

Сверкнув красными глазенками, лорд Эйн холодно поинтересовался:

— На что?

Одним словом — снеготормоз.

Кокетливо поправив локоны, взмахнула ресничками, потупилась и сообщила:

— На период ухаживаний. С тебя конфеты, цветы, подарки, комплименты и признания в любви.

Кто-то в зеркале потрясенно приоткрыл рот. Эйн же ко мне уже слегка попривык, и вообще продемонстрировал присутствие адекватности, спросив:

— А с тебя?

Томно вздохнув, ответила:

— С меня величественное принятие твоих даров и признаний и долгие размышления при луне на тему: «Зачем мне такой страшенький и тощенький нужен».

Эйн, проявив выдержку, которой обучился за эту долгую ночь, протянул руку, отобрал у меня миску с похлебкой, после чего отобрал и хлеб, вырвав его из моей ладони и принялся есть. Молча.

— Ва-а-альд! — отмерла после моей реплики его маман.

— Виэль, — представилась я, потому что я вежливая и воспитанная и не начинаю разборок с незнакомыми людьми.

А снежок ел. Торопливо и стремительно, делая вид, что родительницу знать не знает и ведать не ведает.

Маман же снеголордовская выдала резкое и злое:

— Не с тобой разговариваю!

— А зря, — улыбнулась я, — со мной лучше разговаривать. Молчаливая я хуже раз в сто, чем говорящая.

И с этими словами я встала. Сходила к печи, открыла заслонку, достала веточку, обугленную на конце, чуток намочила ее, вернулась к зеркалу. Села и, представив себя великим творцом художественной росписи, высунув кончик языка от усердия, провела линию от окончания носа маман до собственно щеки. Получился потрясающий насыщенный и замечательный черный ус!

— А! — воскликнула маман снежика.

— Мм-м, вы уже готовы к диалогу? — поинтересовалась я.

Лорд Эйн застыл с недонесенной до рта ложкой, его маман открыла от изумления рот.

— Еще не готовы? — уточнила я, вновь занося для шедеврального мазка свою импровизированную кисть.

И только потянулась нарисовать очередной ус, как снегомадам заорала истошно:

— Ва-а-альд!!!

Лорд Эйн молча взял и съел все с ложки, ус был дорисован, я издевательски взирала на леди. А едва та утихла, нравоучительно спросила:

— Будете еще моего снежика обижать, а?

«Снежок», не вынеся такого потрясения, выронил ложку. Его усатая маман открыла от изумления рот. Но затем закрыла, скрежетнула зубьями и выдала:

— Деточка, его не я — его все приближенные к ледяному престолу «обижают»!

Ох, бедненький мой. Тяжело вздохнув, уверенно произнесла:

— Разберемся.

— С кем? — ядовито поинтересовалась морозная матушка.

— С теми, кто обижает, со всеми и разберемся. — Я была категорична.

Лорд Эйн вновь взял ложку. Положил. Подумал. Хмыкнул. Глянул на меня как-то по новому, после чего произнес:

— Сам разберусь.

И я даже ответить ничего не успела, как снегомаман взвыла:

— Сам он разберется! Как же! Снова выставишь себя посмешищем! Ты позор моего дома! Ты...

На этом я взялась рисовать ей бороду, и у снегоматери слова закончились. А как она умолкла, я вежливо произнесла:

— В данный момент лорд Эйн занят и не может уделить вам должного внимания. Вы очень ценны для нас, мы всегда вам рады, поэтому просим впредь уведомлять о вашем появлении заранее, чтобы уважаемый лорд Эйн мог в полном объеме уделить внимание вашей очень значимой для нас персоне.

После чего стерла усы.

Снегомать моргнула, сглотнула и как-то растерянно произнесла:

— Если можно, я завтра свяжусь с...

— Конечно-конечно, — радушно-вежливо произнесла я, — с нетерпением жду вашего звонка, чтобы согласовать время вашей беседы с уважаемым лордом Эйном. Всего доброго.

— И в-вам... — вконец растерялась леди.

И отключилась, а зеркальце улеглось на стол бездушной стекляшкой.

А я уставилась на снежика. Тощенький, бледненький, красноглазенький, жутик такой, и так жалко его стало, прям до слез. И главное я поняла — не сможет он без меня, не проживет, обижают его всякие, причем, судя по словам маман, много их всяких, придется заняться ситуацией.

— Что? — хмуро спросил лорд Эйн.

Шмыгнув носом, призналась:

— Жалко тебя.

Бабахнув кулаком по столу, сугробик подскочил, упираясь узкими ладонями в стол, навис надо мной, демонстрируя оскорбленность и...

— Ладно, разберемся, — игнорируя его показательную ярость, устало протянула я. — Завтра на приеме полагается быть в белом?

Лорд Эйн от такого опять впал в заморозку, а я поняла что:

— М-да, риторический вопрос был, вы же ограниченные, у вас всегда только белый.

— Оттенки разные! — прошипел оскорбленный за свою расу снежник.

— Но белые, — продолжала я гнуть свою линию. И так как кое-кто, сверкая красными глазенками, подался ближе, торопливо добавила:

— Не грусти, завтра с тобой пойду.

Поднялась, потянулась всем телом, прическу поправила... взгляд снежика изменился в тот же миг, сменив гнев на заинтересованность, а следом и готовность использовать любовницу по назначению, вот только...

— Поздно, лорд Эйн, — продолжая поправлять прическу, с тяжелым вздохом сказала я.

— В смысле, «поздно»?! — не понял он.

— В смысле, — развела руками, — понимаешь, у меня принципы — я не сплю с теми, на кого работаю.

И тут этот наивный, сузив глаза, заявил:

— Виэль, ты на меня не работаешь!

Пришлось обрадовать мужика:

— Ошибаешься.

Он не обрадовался, и тогда я добила:

— Зарплату обсудим завтра... — скептически осмотрела его с ног до головы, — что-то мне подсказывает, что я сильно увеличу даже тот оклад, что уже прикинула... Ну да ладно, у нас еще полно снега непаханого, в смысле работать надо. Веди к слугам.

Лорд Эйн грохнулся на стул, потрясенно глядя на меня, затем спросил:

— А к слугам тебе зачем?

И вот тогда я вполне законно возмутилась:

— Слушайте, шеф, я к вам в портнихи не нанималась! Нет, один раз, исключительно чтобы поиздеваться, я могла бы и пошить, но это до того, как вы наняли меня в личные помощники.

— Виэль, — взгляд снежика сделался основательно нехорошим, — я тебя не нанимал!

— Естественно, — согласилась без проблем, — я же еще не решила, какого размера у меня будет зарплата. Шеф, подъем, мне к слугам надо!

— 3-3-зачем?! — прошипел этот взбешенный.

— Буду им мозг выносить, — честно призналась работодателю.

Лорд Эйн открыл было рот, собираясь возразить, но тут до него дошел смысл сказанного и собственно ситуация, и, проявив ум, смекалку и сообразительность, начальник заткнулся. После чего и вовсе поднялся и потащился показывать мне, где слуги.

* * *

Показал.

Привел в подвал — триста семьдесят ступенек вниз, подвел к огромной, роста в три человеческих, толстенной дубовой двери, которая вся оказалась железом обита, да таким каленым и внушительным, что это наталкивало на невеселые размышления, радушно ладонью махнул, мол «приступайте, Виэль Мастерс», после чего отошел к стене и, сложив руки на груди, привалился к этой самой стене плечом, выразительно глядя на меня. То есть мне недвусмысленно предложили начинать.

Я, все еще в той самой лордовской тоненькой рубашке, то есть мне было холодно, подошла к двери и постучала. Где-то там раздался слаженный выдох и... тишина.

— Откройте! — крикнула я, от чего-то несколько оробев.

От размера двери, наверное.

Из-за преграды послышалось нервное перешептывание, закончившееся выкриком одной из старушечек:

— Это та, новая любовница!

Тишина, и визг девицы, за которой я с катаной гналась, потому что она вкусную поджаренную курочку тащила:

— Она сумасшедшая!

Меланхоличное мужское:

— Просто еще не приручил ее наш сугроб.

«Сугроб», на которого я тут же оглянулась, естественно, возмущенно вскинул бровь, явно не ожидая, что его за глаза прислуга именно так величает. Но промолчал — уважаю.

Стукнув в дверь еще раз, крикнула еще громче:

— Открывайте уже!

Из-за преграды донеслось ехидное:

— Да, счас! — И это был голос другой старушечки.

— До утра сама броди по замку, а тут дураков нет. — Мужик какой-то выкрикнул.

— Не отопремся, и не проси. Ты эту кашу заварила, тебе и расхлебывать! — Какая-то явно злая на меня женщина.

Так значит, да? Это вы вообще зря, конечно, с Виэль Мастерс так не поступают, потому как:

— Ну раз вы отпираться не желаете, значит, без претензий отнесетесь к тому факту, что я вас запрю.

У сугробчика беленькая бровка медленно и удивленно поползла вверх по лбу. За дверью потрясенно застыли.

— Что?! — раздался чей-то визгливый голос.

— Вы же выходить отказываетесь, — разумно, вежливо и с расстановкой пояснила я. — Значит, какая вам разница, что я вас сейчас запрю здесь. Недельки на три-четыре, как минимум.

Тишина за дверью стала оглушительной.

В следующий миг щелкнул замок, потом послышался скрежет отодвигаемых засовов, затем еще щелчки замков, какой-то лязг, звук поднимаемой решетки... Оглянулась на Эйна, одними губами выдала «Уау!», шеф мой гордо приосанился, мол — да, вот такой я страшный, и тут дверь собственно отворилась.

А за дверью обнаружилась толпа зеленомордых слуг, которые чуток так пошатывались, потому как это был погреб с вином, копчеными окороками и сырами всяческими! И эти болотники тут не просто так прятались, а с явным удовольствием!

— Однако... — прокомментировал явно не ожидавший такого комфорта в «схроне» лорд Эйн.

— Дохлый жмурик! — ахнула разом толпа слуг, не ожидавшая присутствовавшего в адекватности и при полном рассудке хозяина замка.

— Ну почему же дохлый? — удивилась я. — Очень даже живой, хоть и выглядит хуже, чем труп.

«Хуже, чем труп», перестав сверлить злющим взглядом провинившихся, уставился на них в чем не повинную меня.

— Не нужно на меня так смотреть, я тут ни при чем, и вообще я вам только что на вашу прислугу глазки ваши жутенькие открыла!

«Жутенькие глазки» прищурились мрачно. У прислуги, напротив, расширились от ужаса, а после...

— Портные тут кто? — вернулась я к делу.

Но эти, перепугавшиеся до дрожи, разом отступили, а кто-то какую-то веревку сверху свисающую дернул и... и с огромным грохотом двери захлопнулись, а следом с лязгом рухнула вниз решетка.

Приехали.

Обернулась к Эйну — стоит мужик, ногти свои с невозмутимым видом рассматривает. Не удержалась, ехидно заметила:

— Судя по длине когтей, вы маникюрщика или потеряли в недрах вашего необъятного жилища, или съели.

На меня возмущенно глянули.

— А что? — невинно похлопала ресничками. — Мы с вами уже убедились, что по законам военного времени вы на все вполне способны.

— Виэль, на войне никто никого не ест! — отрезал снежик.

— Война войне рознь, — возразила издевательски. — К тому же главное, что тенденция в вас заложена, так что...

Сверкнув глазами, Эйн отчеканил:

— Виэль, я никого не ем!

— Да? — Я указала рукой на захлопнувшуюся дверь. — А это мне тогда как понимать?!

— А я тут при чем? — в тон мне возмутился лорд Эйн. — Это следствие неправильного ведения вами переговоров.

Из-за двери слышалось слаженное: «Ага, ага».

Ну что ж, это не я, это они сами нарвались.

— Ладно, — вскинула подбородок, — признаю свою полную и абсолютную капитуляцию.

Лорд Эйн победно усмехнулся, отошел от стены, подошел ко мне, слегка склонился и завораживающим шепотом, коего от такого ужасика ожидать было бы странно, произнес:

— Поднимаемся в спальню?

Нет, ну до чего ж озабоченный работодатель мне попался! Или на меня попал... Скорее второе.

— Лорд Эйн, еще раз повторяю для вас очень умного — я не сплю с начальством. А что касается вашей прислуги, поступим проще — этих заколотить, пусть тут гибнут медленно, но верно, новую прислугу набрать. Поверьте, с моим опытом и подходом дело набора нового обслуживающего персонала займет минут пять от силы и...

И тут опять лязг, скрежет, двери распахнулись, решетки поднялись, на пороге показались зеленомордые и сообразительные.

— Ну вот, совсем другое дело, — радостно улыбнулась я. — Так, народ, мне бы поесть, а то я когда голодная...

Пятнадцать человек, торопливо миновали нас, обходя по стеночке, и ринулись вверх по лестнице, явно готовить мне ранний завтрак. Умнички вы мои.

— И портные, — закончила я фразу.

Портные слаженным строем выступили — семь человек.

И вот после этого я посмотрела на снежика. Выразительно посмотрела. С нескрываемым торжеством, так, и победно.

— Оригинально, — изучая меня все более заинтересованным взглядом, произнес лорд Эйн.

— Да, я такая, — гордо вскинув подбородок, ответила на его невысказанный комплимент.

А он, комплимент, точно был. Просто снежик он слегка тормоз и еще не понял, что вообще-то сейчас должен стоять на коленях и, протянув руки к моей божественной персоне,

боготворить и благодарить без устали. Ну да ничего, Виэль Мастерс всегда отличалась упорством и настойчивостью, так что уверена, до Эйна еще дойдет.

* * *

А не доходило до мужика. Вот как есть не доходило! Я все ему! Все для него! Все ради него! А он?!

— Виэль, — лорд Эйн сидел статуей оскорбленного достоинства и скрежетал зубами, — это шестое платье, Виэль!

— Четвертое, — не согласилась я, нежно поглаживая ткань обновки, — а те два это так, недоделки, их еще перешить нужно.

Чем, собственно, все портные сейчас и занимались, сцепив зубы и бросая на меня полные ненависти взоры. Нет, работали они быстро, но ранее им явно не приходилось шить с такой скоростью.

— И вообще, — я прошла, села за стол напротив облаченного лишь в неглиже по причине недавнего снятия мерок шефа, — чем вы недовольны?

— Чем?! — рывкнули на меня. — Виэль, я третий час сижу в одних трусах!

— Ничего, вам идет, — откровенно слукавила я, потому как... да страшный он, жуть просто, белый, костлявый, тощий. Но такой притягательный...

Притягательный, конечно, но злой, как зимний мороз.

— Виэль!!! — От его рева содрогнулись стены, мои висащие на плечиках платья, манекены и свалились в обморок трое портных из семи. — Я! Тут! Третий! Час! Торчу! В трусах! В то время как вам шьют уже седьмое к сугробам платье! А я все еще голый!

— И нервный, — не могла не заметить я.

Шеф остолбенел, приоткрыв рот, явно проглотив очередную гневную фразу. И тогда я сказала:

— Слушайте, а правда, чего вы такой нервный?

На это мне звенящим от бешенства голосом ответили:

— Прием через час!

Да, с терпением у некоторых явные проблемы. А ведь все так славно начиналось — поднялся с нами, молча разделся, соблазняяще на меня поглядывая, дал снять с себя мерки, чем удивил всех портных, после чего сел где сказали и даже сидел себе смиреннько... жаль, хватило мужика всего на три часа. Нет, определенно с ним еще нужно работать и работать, характер вырабатывать, в конце концов.

— Лорд Эйн, — я перелистнула еще пару страничек из сегодняшних газет, которые мне приволокли два с половиной часа назад, и поставила начальство в известность о принятом решении: — Мы опоздаем.

Начальство уставилось на меня злобно-яростным взглядом, нервно сжало кулаки и...

— Даже не спорьте, — пресекла я возражения нервной особы. — И наряд ваш будет не в бело-золотой, а в бело-черно-серебристой гамме. Мы не поддерживаем новое правительство Зандарата, мы оппозиция.

Вот после этого кто-то свалился.

Я, вскинув бровь, посмотрела на лорда Эйна, он, вскинув обе, взирал на меня, после мы повернули головы и узрели, что все портные в обмороке. Все. От моих слов! Неженки они тут

какие-то.

— А еще я голодная! — сообщила, повывисив голос.

Эти валяться перестали, быстренько поднялись, сели шить обратно своими дрожащими ручонками. Странные они, если честно.

— Шеф, — продолжая смотреть на портных, — а чего это у вас прислуга такая припадочная?

К моему искреннему удивлению, начальник ответил вполне даже спокойно:

— Видишь ли, дорогая, в Зандарате в случае расправы с неугодным лордом, подчистую вырезается вся его семья и убиваются слуги. Говоря проще — они жить хотят, это если ты не поняла.

Каюсь, я несколько зависла на слове «дорогая». Посмотрела на работодателя моего красноглазого, похлопала ресничками и...

— Объясните, какого вы вообще наняли столь припадочную прислугу, а?

Подавшись ко мне, шеф прошипел:

— Я не нанимал, Виэль. Это рабы. Часть куплена, часть пригнана, часть...

— Все-все, — вскинула руки, — можете дальше не продолжать, все уже ясно. В смысле с вами.

— Что ясно? — не понял лорд Эйн.

Не став отвечать, вновь уткнулась в газеты и пробурчала себе под нос:

— Даже слуг нормально нанять не может... Что за мужик пошел? Все на мне, нет, вот категорически все самой делать придется.

А затем уже громче:

— Черная рубашка готова?

Это был мой сюрприз. Эйну. Он еще не знал, но он собирался заявиться в траурно-золотой рубашке и бело-серебристом мундире, что будет недвусмысленно заявлять окружающим: «Сдохни сэльд Харнис и да здравствую я».

— Виэль, — очень не по-доброму протянул шеф, — какого цвета рубашка?!

Вот после этого окончательно психанув, я отложила газеты, прямо посмотрела на своего негаданного работодателя и прямо ему все высказала:

— Давайте откровенно, лорд Эйн, — вам терять уже нечего. Ваша репутация, положение в обществе, власть, деньги, — все, что могли, вы уже потеряли. Осталось достоинство. Ваше снегордовское достоинство. И у вас есть два пути — приползти как преданный пес и лизать сверкающий сапог Харниса при всех или наконец набраться смелости и плюнуть ублюдку в рожу. Я выбрала второй вариант, так что с сегодняшнего дня мы оппозиция. Точка. Обсуждению не подлежит.

Несколько секунд лорд Эйн молча смотрел на меня. В его глазах не было злости, убийственности или же ярости, он смотрел устало. Устало, несколько обреченно и безнадежно.

— Виэль, — голос прозвучал холодно и отрешенно, — ты ничего не понимаешь. Совершенно ничего. И тот факт, что ты начиталась газет с утра... Ты ничего не знаешь, поверь, и...

— А чего тут понимать? — искренне удивилась я. — Все кристально ясно — жил-был снежный лорд по имени Вальд Эйн, был воспитанником старого сэльда, любил воевать, выпитал с потом и кровью бредни правителя про благородство и преданность своей родине, влюбился в дочь воспитателя...

И тут лорд Эйн как рявкнет:

— Виэль!!!

— Я еще не закончила, — сообщила весьма недовольно этим разгневанным и напрягшимся в трусах. — Продолжаю: дочурка выросла, влюбилась в Харниса, накапала папке на мозги и вышла замуж не за гордость старой селедки... тьфу ты, сэльда, а за этого отутюженного хлыща. Хлыщ оказался подлецом и трусом, воевать не пошел, скинув все... да на вас, начальник. А после того как некоторые вернулись с победой, вместо почета и уважения получили интриги, козни и лживые обвинения. И это была не война, где можно пойти и прямо в морду дать, а закулисные игры, с улыбанием вам в лицо и кривлянием за спиной. Несколько подстав, и вы лишились доверия старого сэльда, были отлучены от дворца и не смогли предотвратить покушения на своего воспитателя. Так Харнис и змеюка пришли к власти.

[Купить полную версию книги](#)